

АРТЕФАКТ & ДЕТЕКТИВ

По преданию этот щит принадлежал еще легендарному Гераклу, а после – правителю Спарты царю Леониду, и сейчас он стоит целое состояние...

Наталья АЛЕКСАНДРОВА

Щит царя Леонида

Наталья Николаевна Александрова

Щит царя Леонида

Серия «Артефакт & Детектив»

*Текст книги предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=51402052
Щит царя Леонида. Роман: Эксмо; Москва; 2020
ISBN 978-5-04-110267-8*

Аннотация

Легенда гласит, что этот старый щит принадлежал еще мифическому Гераклу, именно с ним он совершал свои подвиги. Теперь же щит достался правителю Спарты Леониду, который всего лишь с тремя сотнями воинов героически сражался с персами в Фермопильском ущелье... В последнее время Алина Воробьева стала замечать, что в ее жизни происходит что-то непонятное. Вещи в ее квартире оказываются не на своих местах, она почти ничего не помнит из своего детства и юности, а теперь под видом соседки в гости заявила непонятная девица, якобы за вантузом, но ей что-то явно нужно в квартире Алины...

Наталья Николаевна Александрова Щит царя Леонида *Роман*

* * *

Все права защищены. Книга или любая ее часть не может быть скопирована, воспроизведена в электронной или механической форме, в виде фотокопии, записи в память ЭВМ, репродукции или каким-либо иным способом, а также использована в любой информационной системе без получения разрешения от издателя. Копирование, воспроизведение и иное использование книги или ее части без согласия издателя является незаконным и влечет уголовную, административную и гражданскую ответственность.

© Александрова Н. Н., 2020

© Оформление. ООО «Издательство „Эксмо“», 2020

Я с сожалением выключила душ и отодвинула стенку кабинки. Некогда намываться, меня работа ждет. То есть она-то меня, конечно, не ждет, ждет начальник, и уже готовится устроить нагоняй, потому что я обещала ему оставить отчет на столе, но не оставила. Не успела закончить. И хотела сегодня прийти пораньше, но опять-таки не получится, только-только успеваю.

Я завернулась в полотенце и хватилась фена для волос, которого не было в шкафчике. Вот куда он мог подеваться, хотелось бы знать?.. Странно, в этой квартире я живу одна, а вещи куда-то все время перемещаются. Может, он в комнате?

И тут я услышала стук в дверь.

Вот именно, не звонок, а стук. Дело в том, что дверной звонок работает, если звонят в наружную дверь, ту, которой мы отгородили четыре квартиры на площадке. А мы, хозяйева этих квартир, общаемся между собой посредством стука.

Так даже лучше, сразу знаешь, что за дверью свои...

Правда, «свои» – понятие растяжимое, поскольку тесно общаюсь я только с Антониной из трехкомнатной. Опять-таки, если быть до конца точной, это она со мной общается. Дальше, в двухкомнатной, живет жуткая зараза Софья Андреевна (о ней позже), а однокомнатную ее хозяйин Гена сда-

ет время от времени, когда в очередной раз женится.

И с утра пораньше стучать может только Антонина – либо у нее кофе закончился, либо сигаретку стрелкнуть, либо просто поболтать. Мне-то болтать некогда, но она не отста-нет.

– Тонь, ты? – Я распахнула дверь и растерялась, потому что вместо Антонины стояла передо мной посторонняя жен-щина в халате, и голова замотана полотенцем.

– Простите, – заговорила она и улыбнулась растерянно и даже немного виновато, – простите, пожалуйста, у вас, слу-чайно, нет крота?

– Крота? – Я вылупила глаза и шагнула назад. – Нет у меня никакого крота, и мышей тоже нету, ни белых, ни серых...

– Ой, что это я! – Она засмеялась. – Бога ради извините, я живу тут по соседству... – она мотнула головой в сторону Генкиной квартиры, – стала мыться, а там такой засор... бо-юсь, что протечет к соседям снизу...

– А, вы об этом... – я раскрыла дверь пошире, – вам состав нужен, который всякую дрянь в трубах растворяет. Нет, его у меня нет, зато... – что-то мелькнуло в мозгу, – зато у меня есть такая штука... если ей вот так пожать, то вода может уйти. Хотя бы на время.

– Вантуз, что ли? – оживилась она.

– О, точно, так эта штука называется! – Я тоже обрадова-лась, что могу помочь.

В самом деле, все знают, что Генка квартирой совершен-

но не занимается, и это форменное свинство с его стороны сдавать женщине, как Антонина говорит, некондицию.

– Вы проходите. – Я отступила и тут почувствовала, что полотенце падает, еле успела его подхватить.

Хоть передо мной и женщина, все же неудобно перед незнакомым человеком представлять в голом виде... Где же у меня халат?

Халаты я не люблю, но мама настаивает, чтобы хоть один приличный у меня был в наличии. Кстати, сама мне его и подарила на прошлый Новый год. Но если я буду прохлаждаться, то мне даже кофе выпить не удастся.

Машинально подхватив полотенце, я пошла на кухню, соображая, где может быть вантуз.

Обычно люди хранят такие вещи в кладовке, но у меня, как я уже говорила, вещи перемещаются по квартире самостоятельно.

Я посмотрела в шкафчике под мойкой, там стоял только пакет для мусора, причем давно его нужно было вынести на помойку. Вот почему я все забываю?

Зато нашелся халат. Он висел на спинке стула и нахально блестел пуговицами. Говорила же, что не ношу его, месяц, наверное, не надевала, вот как он на кухне оказался, ног у него нет, только рукава.

Утянув халат в кладовку, я огляделась в поисках вантуза. Дело в том, что у меня в квартире не кладовка, а целая гардеробная, такая уж была планировка изначально. Так что ко-

гда я делала ремонт, то заказала кучу полок и кронштейнов, и теперь каждая вещь имеет свое место: тут – одежда висит, тут – пылесос стоит, тут – доска гладильная, и так далее.

«А вантуз, очевидно, в коробке со всякими хозяйственными мелочами», – неуверенно подумала я.

И каково же было мое удивление, когда он именно там и оказался! Наверное, не смог самостоятельно выбраться из коробки.

Не подумайте, что я сама такая умная и купила вантуз в хозяйство. Нет, эту штуку мне подарил на работе Димка Петров, для прикола, как сам же и признался. Он собственноручно выкрасил палку вантуза розовой краской, завязал на ней огромный шелковый бант, а на резиновой штуке написал мое имя и фамилию – принадлежит Алине Воробьевой.

Вроде того, как на книге ставят экслибрис. Забыла сказать, что это был подарок на новоселье. То есть сотрудники, конечно, скинулись и подарили мне навороченную кофеварку, а вантуз Димка преподнес от себя лично.

В общем, я натянула халат и вытащила на свет розовое чудо. Девушка терпеливо дожидалась меня у двери, сердечно поблагодарила и ушла, сказав, что вернет как можно скорее.

Тут начала открываться дверь соседей, и я поскорее захлопнула свою – Антонина привяжется с разговорами, а я и так опаздываю. Ей-то спешить некуда, распихала, небось, своих деток кого в школу, кого в садик, и может передохнуть.

Муж у Тони дальнобойщик, неделями отсутствует, и злые

языки во дворе говорят, что он нарочно устроился на такую работу, чтобы поменьше бывать дома и не слышать визга и гвалта.

У них двое мальчишек, десяти и восьми лет, и девочка, которой недавно исполнилось три. Парни жутко хулиганистые, и девчонка вечно ревет. Сама Антонина тоже баба горластая, есть еще собака, которая все время лает, и телевизор орет, не выключаясь, так что мужа Тониного понять можно.

Итак, я поскорее захлопнула дверь и взглянула на часы. Да, про утренний кофе придется забыть. К счастью, фен нашелся в платяном шкафу, я вспомнила, что сушила им юбку после того, как застирала на ней пятно от варенья.

Пятно не отошло, так что все равно пришлось нести юбку в химчистку, там еще ворчали, что нечего заниматься самодеятельностью, нужно обращаться сразу к специалистам, то есть к ним.

Ага, у Софьи Андреевны вся дубленка белесыми пятнами пошла после их химчистки. Ну, этой заразе так и надо...

Когда я, наскоро накрасив глаза и одевшись, выскочила на площадку, то увидела, что возле двери Генкиной квартиры копошится какой-то мужчина. Вот он открыл дверь...

– Простите, – неожиданно для себя спросила я, – вы закончили?

– Что? – Он повернулся и уставился на меня в удивлении.

Ничего такой мужчина, высокий, спортивного вида. Отчего я решила, что спортивного? Да на нем был костюм фир-

менный спортивный и кроссовки. Бегают, значит, по утрам. Это, конечно, похвально. Здоровый образ жизни.

– Так что вы хотели? – спросил он весьма нелюбезно.

Скажу сразу, я – девушка привлекательная, это многие признают. Не красавица писаная, но все у меня с внешностью нормально. Поэтому мужчины хамят мне очень редко. И смотрят обычно весьма приветливо. А этот посмотрел не то чтобы с ненавистью, но с досадой и неприязнью – лезут, мол, тут всякие...

Естественно, я обиделась и вместо того, чтобы махнуть рукой и уйти, сказала язвительно:

– Я бы хотела вернуть свой вантуз. Если он вам, конечно, больше не нужен.

Ну что, в самом деле, этот хлыщ бегают себе на свежем воздухе, здоровье сохраняет, а жена самостоятельно с засором борется! И даже если она ему не жена, то тем более...

Тут в глазах у него неприязнь уступила место самому настоящему изумлению.

– Какой вантуз? – Он даже попятился, хватаясь за ручку двери. – Вы вообще о чем?

Все ясно, удрал с утра пораньше, знать не знает, что его жена соседней заливаает.

– Ваша жена... – начала я.

– Какая жена? – Он повысил голос. – Вы что – издеваетесь? Нет у меня никакой жены! Я один живу!

И столько подлинного чувства было в его голосе, что я

поверила. Точно, передо мной женоненавистник. Так что ни жены, ни другой какой женщины с ним рядом нет.

– Простите, – буркнула я, – я ошиблась, думала, она в этой квартире живет...

Он не сказал, что ничего страшного, не спросил, в чем суть, только отвернувшись, буркнул что-то вроде «дура». Да сам такой! Что он о себе воображает?

Сев в машину, я велела себе успокоиться, потому что за рулем нужно быть предельно внимательной, чтобы не попасть в аварию. Это мама твердит мне бесконечно, хотя сама авто не водит.

Но, однако, неудобно получилось. Вот с чего я взяла, что та девица снимает квартиру Геннадия? Она ведь ничего конкретного мне не сказала, только головой мотнула в ту сторону. Но, опять же, в дверь она постучала, вот я и подумала, что она с нашей площадки. Да, странно...

А Генка, значит, этому мужику квартиру сдал. Неприятный какой тип...

Тут мне засигналил какой-то нервный водитель, и я сосредоточилась на дороге.

В офис я, разумеется, опоздала, так что приготовилась уже смиренно принять нагоняй от начальника, но его, к счастью, вызвали куда-то с утра, поэтому у нас царили тишина и покой. И я даже выпросила у секретарши Милки чашку кофе.

– Варю как начальнику! – приговаривала она. – Помни

мою доброту!

Кстати, кофе Милка варит плохо, непонятно за что ее наш шеф вообще на работе держит.

Возвращаясь с работы, я встретила во дворе Антонину. Ну правильно, где ей еще и быть-то. Витя, муж ее, как всегда в рейсе, ей неохота домой идти, там дети всю квартиру вверх дном перевернут, так уж пускай во дворе хулиганят.

– Слышь, Алинка, – обрадованно сообщила она, едва увидев меня, – у Генки новый жилец.

– Тоже мне, новость, – отмахнулась я, – видела его утром.

– Познакомились? – оживилась Антонина.

– Да нет, так, парой слов перебросились...

– Ты присмотришь к нему, вроде мужик приличный. Аккуратный, спортивный. Опять же, кто квартиру снимает на недолгое время? Генка ведь надолго никогда не сдает, сама знаешь, поругается с очередной женой своей, да и вернется сюда. Так что этот, небось, сейчас находится в стадии развода. И как только они с квартирой разберутся – так бери его сразу тепленьким.

– Почему сразу? – поддразнила я. – Пускай человек малость передохнет от семейной жизни.

– Только сразу! – ответила она твердо. – Пока он вкус свободы не почувствовал и не понял, как ему хорошо одному жить. Потом уже поздно будет.

Да, соседка моя Антонина, конечно, баба простая, и умом

особым не блещет, однако по-житейски соображает. И у нее один пунктик: хочет меня замуж выдать. Но в данном случае все ее умозаключения неверны, поскольку новый сосед явно женоненавистник. Мне он тоже не понравился, но Антонине я про утренний эпизод рассказывать не стала, а то и домой не попадешь, замучает разговорами.

Однако в квартире я задумалась, кто же такая была эта девица, которая явилась утром. И где ее теперь искать. Не то чтобы мне нужен был вантуз, просто странно все как-то...

Размышляя так, я поставила на плиту кастрюлю с водой, чтобы отварить пельмени. Не подумайте, что я питаюсь магазинными пельменями каждый день, просто замороженные пельмени прислала мама. Она любит готовить, и налепит столько, что в морозилку не помещаются, и раздает потом знакомым и родственникам.

Это я, конечно, преувеличиваю, но мама вбила себе в голову, что если меня не кормить, то я вообще о еде забуду. Или стану питаться гамбургерами. Это утром, когда торопишься, калорийная еда в горло не полезет, и днем некогда рассиживаться, съесть что-то быстро, да и бежать обратно на работу. А вечером, считает мама, человек должен есть вкусную домашнюю пищу. Причем не спеша и не отвлекаясь. Тогда со здоровьем все будет в порядке.

Тут, кстати, замечу, что мама весит без малого девяносто килограммов, но ни капельки по этому поводу не расстраивается.

«Зато морщин не видно», – утверждает она.

И правда, у нее прекрасный цвет лица, и морщин почти нет, и волосы гораздо лучше, чем у меня.

В общем, вода закипела, и я бросила в нее пельмени. А сама тем временем пошла в прихожую, потому что забыла в сумке купленную по дороге сметану.

И тут в мою дверь снова постучали.

Ну, кого там еще черти принесли?

Вспомнив утреннюю историю с неизвестной девицей, я не открыла сразу дверь, а выглянула в глазок.

И что вы думаете?

Перед дверью стояла она, та самая девица, которая утром позаимствовала у меня вантуз, а потом пропала.

Конечно, дверной глазок ее здорово изменил, растянул рот, как у лягушки, и уменьшил глаза, но узнать можно. Девица вроде как улыбалась, а в руках у нее была большая, яркая коробка конфет.

Видимо, принесла ее в качестве извинения. Ну ладно, конфеты так конфеты...

Я открыла дверь. Вот сейчас и узнаю, из какой она квартиры. И если она не с нашей площадки, то как, черт возьми, она открывает ту, первую дверь?

Девица действительно улыбалась виноватой, извиняющейся улыбкой. И конфеты в руках – большая коробка с каким-то средневековым замком на крышке.

– Простите, что задержала, – проговорила она смущенно.

– Да ладно, ничего страшного...

– Вот, конфет коробку принесла... вроде хорошие... к чаю...

– Да не стоило... – я машинально отступила внутрь квартиры.

И остановилась, потому что заметила странную вещь – коробка-то у нее была, а как раз вантуза не было.

– Засор-то удалось прочистить? – спросила я.

– Да, все в порядке.

Я хотела спросить, где же тогда вантуз, но не успела.

Девушка протянула мне коробку – и вдруг у нее в руке мелькнуло что-то небольшое, блестящее, и у меня в глазах потемнело, и больше я ничего не помню.

Я пришла в себя от холода, и еще от того, что кто-то сильно хлопал меня по щекам.

Открыв глаза, осознала, что холодно мне от того, что я лежу на полу перед открытой дверью, а надо мной склонился незнакомый молодой мужчина, и собирается снова ударить меня по щеке.

– Не надо... – пролепетала я, отстранившись. – Больно...

Говорить было трудно, такое чувство, что в горле поселился больной еж. Больной, потому что вкус во рту был отвратительный.

– Вы как – в порядке? – проговорил мужчина озабоченно.

– А вы кто? – ответила я вопросом на вопрос, и тут же

узнала его – это был тот самый человек, который поселился в квартире Геннадия.

Я же его видела утром, только тогда он был в спортивном костюме, а сейчас – в куртке, и костюм под этой курткой тоже имелся приличный, даже галстук выглядывал.

– Сосед ваш, – ответил он. – Вернулся, вошел в общий тамбур – и тут смотрю, ваша дверь открыта, и вы лежите... вам плохо? «Скорую помощь», может быть, вызвать? – Он помог мне приподняться и сесть, привалившись к стене.

– Спасибо, все в порядке. – Я вымученно улыбнулась. – Просто вдруг сознание потеряла...

– Просто? – у него удивленно поднялись брови. – Может быть, вы...

Он не договорил, но я и без того поняла – хотел сказать, что я пьяная. Или больная.

– Нет, ничего подобного! – Я собрала волю в кулак и поднялась на ноги. – Спасибо, я уже в порядке!

Как ни странно, голова не кружилась. И не хотелось снова упасть на пол. Хотя, конечно, общее состояние оставляет желать лучшего.

Я сделала шаг в сторону зеркала и снова пошатнулась, так что ему пришлось подхватить меня за плечо. Показалось мне или нет, что в лице его мелькнуло отвращение?

Я дернула плечом и прислонилась к стенке.

– Ну, хорошо, если вам ничего не нужно, тогда я пойду... – и он ушел в свою квартиру.

И захлопнул дверь, не оглянувшись. Точно, терпеть не может женщин. Причем до такой степени, что даже прикоснуться к ним противно. Ай, да не больно-то и хотелось...

Я закрыла дверь и потащилась на кухню, чтобы присесть. И только тут вспомнила про пельмени. По идее, вода должна была выкипеть, и кастрюля сгореть, но запаха не было. Больше того, горелка под кастрюлей была выключена. Пельмени жутко разварились, но это оттого, что долгое время мокли в горячей воде, но ничего не случилось – плита и кастрюля в порядке. Вот как...

Я плюхнулась на стул и задумалась.

Что же такое произошло?

Сначала – еще утром – появилась незнакомая девица, одетая по-домашнему, и попросила у меня вантуз. То есть она просила крота, но я отдала ей эту штуку. Я подумала, что она живет в Гениной квартире, но потом это не подтвердилось. Допустим.

Потом она же появляется снова, и тут...

Я постаралась восстановить в памяти это ее второе появление.

Вантуза у нее в руках не было, это я точно помню. Зато была коробочка конфет, да вон же она, лежит на полу перед дверью.

Не помню, говорила я или нет, что квартира у меня небольшая, из кухни видны прихожая и часть комнаты.

Я наклонилась, подняла коробку, уставилась на нее, пыта-

ясь восстановить события, предшествовавшие моему обмороку.

Девушка протянула мне эту злополучную коробку – и тут я отключилась...

Да нет, не просто так я отключилась.

Я вспомнила, что, когда эта подозрительная девушка протянула мне коробку, в ее руке появилось что-то круглое, блестящее. Сосредоточившись на этом воспоминании, я вспомнила, что это был металлический баллончик...

Черт, она мне чем-то прыснула в лицо, от этого я и отключилась!

Бред какой-то... зачем ей это понадобилось? Она что – квартирная воровка?

Я обежала квартиру и убедилась, что у меня ничего не пропало. По крайней мере, на первый взгляд. Да и что особенное у меня есть? Мои шмотки вряд ли представляют для воров большой интерес, компьютер на месте... и банковские карточки... правда, какая-то ерунда! Что ей было нужно?

В процессе осмотра квартиры я совершенно пришла в себя. Голова не кружилась, падать на пол больше не хотелось, и вообще вроде бы все встало на свои места.

Ну ладно, ничего не пропало, и сама я вроде в порядке. Так что можно сказать, легко отделалась. Впредь надо быть умнее, не открывать дверь незнакомым. И все равно, какой-то неприятный осадок остался от всей этой истории. Потому что я не люблю непонятного. Должно быть какое-то

логическое объяснение происходящему, а его как раз у меня и нет.

Кроме всего прочего, тот мужчина, что снимает квартиру у Гены, нашел меня на полу... еще подумает, что я пью или что похуже...

Да, не везет нам на встречи... То с вантузом к нему прицепилась, то разлеглась на полу, как полная дура. Точно, он посчитает меня ненормальной или припадочной. А что, это многое объясняет...

Вот, кстати, интересно, как он меня нашел? Сказал, что дверь была открыта... странно это.

Тут я вспомнила, что на нашем этаже у дверей есть одна особенность – если квартирная дверь не заперта на замок или на защелку, а только прикрыта, и кто-то откроет дверь общего тамбура, квартирную дверь распахивает сквозняком. Так что он, наверное, говорит правду...

Но ведь и я не сумасшедшая, я точно знаю, что девица была, и сейчас, и утром...

И тут в мою дверь снова постучали.

Я вздрогнула, замерла на месте... но взяла себя в руки, подошла к двери и снова выглянула в глазок.

Если это снова та девица... ух, что я с ней сделаю!

Я не успела додумать, что сделаю, если это снова она, потому что это была вовсе не она. Это была Антонина.

Я щелкнула замком, открыла дверь, посторонилась.

– Это твое? – Антонина помахала у меня под носом чем-

то розовым, в чем я опознала собственный вантуз.

– Мое, мое!

– Ага, я так сразу и подумала! Мои разбойники им во дворе консервную банку гоняли, я смотрю – надпись на нем, и твое имя... ты его выбросила, что ли? Если выбросила, мне пригодится... Витьки вечно дома нету, сама с хозяйством справляюсь...

– Да нет, это случайно. – Я потянулась за вантузом.

– А сигаретки у тебя, случайно, не найдется? – привычно протянула Антонина.

– Сейчас... – Я направилась на кухню, Антонина поплелась за мной, на полпути проговорила:

– Значит, все-таки продала Катька эти конфеты...

– Конфеты? – переспросила я, осознав, что по-прежнему держу в руках злополучную коробку конфет.

– Ну да, вот эти конфеты. Они у Катьки уже давно стоят, у них срок годности кончился. Зря ты их купила.

Катька – это продавщица из магазина в нашем доме. Антонина с ней приятельствует – в основном курит вместе. Я уже говорила, что она вечно во дворе болтается, все про всех знает.

– Ты уверена, что это те самые конфеты? – оживилась я, потому что в голове мелькнула мысль.

– Ну да, картинка такая... замок...

– Мало ли одинаковых коробок!

– Я таких больше не видела. Обычно на коробках цве-

ты или ленточки какие-нибудь. И потом, вот здесь уголок смят...

Я достала сигареты, Антонина закурила, блаженно зажмурившись, и проговорила сквозь дым, кивнув на окно:

– Сегодня в том офисном центре какая-то суета была...

– А? – спросила я рассеянно, пытаясь поймать в голове ускользающую мысль. – Ты о чем?

– Ну, какая-то шишка туда приезжала, машина у него до-рогушая, охрана...

Господи, да мне-то какое до этого дело! Я с работы, отдохнуть наконец хочу и поесть!

Я посмотрела на Антонину так сердито, что даже ее про-няло. Вообще-то она баба толстокожая, но, видно, я выгля-дела не блестяще, так что она поскорее докурила и умотала к себе. А я вылила то, во что превратились пельмени, в туа-лет, напилась чаю с печеньем и легла спать, заперев предва-рительно дверь на два замка, да еще и ручку привязала ве-ревкой.

Зачем я это сделала – и сама себе не смогла объяснить.

На следующий вечер я припарковала машину во дворе и, прежде чем подняться к себе, заглянула в домовый магазин-чик.

Продавщица Катька скучала за прилавком и заметно ожи-вилась при моем появлении.

– Ты уже с работы? Значит, скоро и остальные потянутся.

Тебе кофе сварить?

– Свари, и покрепче.

– Вот это правильно. Я тоже без крепкого кофе жить не могу. А то некоторые говорят, что от кофе бессонница и сердце бьется, а я так считаю, что лучше пускай оно бьется, чем носом клевать...

Она занялась кофемашиной, а я спросила:

– А у тебя тут коробочка конфет была такая красивая, с замком... купили, что ли?

– А тебе зачем?

– Сослуживцу одному, – соврала я, – у него день рождения. Ему замки всякие нравятся.

– Ну надо же! – Катерина повернулась ко мне. – Раньше надо было думать! То чуть не год она здесь стояла, никто не интересовался, а как купили – так и ты вспомнила!

– А кто купил-то?

– А тебе зачем?

– Ну, думаю, может, кто из наших, с работы. А то я куплю где-нибудь такую же, нехорошо получится.

Я даже сама удивилась, до чего складно получается врать. На любой Катькин вопрос у меня уже ответ готов. Это потому, что сегодня целый день я думала.

Начальник с утра распустил нас всех, поэтому в офисе стояла тишина, все прилежно работали.

Я справилась с отчетом часа за два, но если вы думаете, что сразу же побежала об этом рапортовать, то глубоко оши-

баетесь. Уж такие-то вещи и ребенок знает – выполнишь работу быстро и качественно, так тебе сразу еще подбросят. А потом вообще навалят выше головы. Но зарплату, что характерно, не повысят. Так что труд не для того сделал из обещания человека, чтобы превратить его в лошадь.

Мысль далеко не новая, зато справедливая.

– Вряд ли ты такую же купишь, – заметила Катька. – Их давно уже не завозят. Всего одна партия была, по всему городу раскидали, у меня случайно залежалась. И я тебе честно скажу – и не стоит покупать: у них уже давно срок годности закончился.

– И все-таки кто ее купил? Такой толстый, лысый, в очках?

– Да нет, ничего похожего! Интересный такой мужчина, высокий, щетина трехдневная, и еще шрам на подбородке. А шрам знаешь как мужчину украшает! – В голосе Катьки появились мечтательные нотки.

Она поставила передо мной бумажный стаканчик с кофе и добавила интригующим голосом:

– А знаешь, что мужчину украшает еще больше, чем шрам?

– Боюсь даже предположить! – усмехнулась я.

– Да я вовсе не о том! – фыркнула Катька. – Я о машине! Ничто так не украшает мужчину, как хорошая машина!

– Да что ты говоришь! И какая же машина была у того человека со шрамом?

– Супер! Синий «Мерседес»!

– Круто! – Я повернулась спиной к прилавку, огляделась и проговорила насмешливо: – Только ты, Катя, заливаешь!

– Чего это? – В ее голосе прозвучала обида.

– А того, что отсюда не видно, какая машина перед магазином стоит. А из-за прилавка – тем более не видно.

– Отсюда, может, и не видно, а если к двери подойти, то очень даже видно!

– Так ты и к двери подошла?

– А что? В магазине никого не было, я и вышла...

В это время в магазин зашел знакомый мужик – здоровый, накачанный, бритый наголо тип с третьего этажа, Павел, кажется. У него такая фишка – вечно носит под мышкой своего песика, йоркширского терьера по кличке Фунтик, и разговаривает с ним.

Катка на этого Павла определенно посматривает, и вот сейчас она резко утратила интерес ко мне и засюсюкала с Фунтиком:

– Какой ты хорошенький! Да какая у тебя симпатичная жилетка! Хочешь печенья?

Я поняла, что больше ничего от нее не добыю, и пошла домой.

Может, вам интересно знать, для чего я ее расспрашивала? Да потому что, как уже говорила, я очень не люблю непонятного. И всегда ищу какое-то разумное объяснение происходящему.

Разумеется, я не верю, что вещи в моей квартире переме-

щуются самостоятельно, я знаю, что это я сама их в рассеянности переставляю и запихиваю черт-те куда. Но признаться, что ты забывчивая растяпа, неохота даже себе.

Но случай с девицей и вантузом как-то выпадает из общей картины. Вот зачем она притащилась в мою квартиру, да еще два раза? Что ей было от меня нужно?

Раздевшись, я отправилась на кухню – сообразить что-нибудь на ужин. Свет не включила, потому что руки были заняты сумками – прихватила у Катьки бутылку молока, хлеба, яблок...

И в темноте я ударилась ногой об открытую дверцу шкафчика.

Я чертыхнулась, потерла ушибленную ногу, дохромала до выключателя – и тут осознала странную вещь.

Я ушиблась потому, что табуретка стояла не на том месте, где я ее оставила.

Вы спросите, при чем здесь табуретка? И вообще, я вроде как уже привыкла к тому, что вещи в моей квартире живут своей собственной жизнью и оказываются не на тех местах, где я их оставляла. Но это так, из разряда прикладной психологии. А эта табуретка у меня в квартире играет важную роль: она не дает открыться дверце того самого кухонного шкафчика.

Дело в том, что эта дверца имеет подлое обыкновение открываться, как только оставишь ее без присмотра. Вот совершенно новая кухня, я всего год назад въехала в новый

дом и ремонт соответственно начинала с нуля. Но чертова дверца открывалась с самого начала, я уж и жаловалась на фирму, что производит кухни, ничего, конечно, не добилась, только нервы истрепала.

А когда дверца открыта, я об нее непременно бьюсь ногой, когда прохожу к холодильнику. Поэтому я ставлю табуретку так, чтобы она не давала этой дверце открыться. И табуретка всегда стоит на одном и том же месте. А тут она почему-то стояла возле окна.

Странно... очень странно... я ни за что не переставила бы ее!

Эта странность заставила меня оглядеться в собственной кухне – нет ли еще каких странностей.

Больше ничего я не заметила, да я не настолько наблюдательна, чтобы обратить внимание на какие-то мелкие детали. Даже в детстве мне никогда не давались такие загадочные картинки, на которых нужно было заметить десять отличий. И сейчас, если бы не ушиблась, так и табуретку бы не заметила.

Да, никаких видимых изменений я не увидела – но вот почувствовала незнакомый запах. Резкий, чуть прохладный запах дезодоранта. Явно мужского дезодоранта. С лимонной горчинкой...

Я снова принюхалась – но на этот раз ничего не почувствовала. Черт, наверняка мне это показалось...

Я машинально прошла к окну и так же машинально влез-

ла на табуретку. Отсюда была хорошо видна парковка и задняя дверь соседнего офисного центра. Что-то такое Антонина говорила про этот центр... кажется, кто-то важный вчера туда приезжал...

Ай, да ладно, мне со своими бы непонятками разобраться. Теперь еще табуретки скачут по кухне козочками...

Тремя часами ранее Софья Андреевна мягкими вращательными движениями нанесла на кожу лица дневной крем. Именно так было написано в инструкции, приложенной к этому крему – нанести его на кожу лица мягкими вращательными движениями.

Крем был дорогущий, и Софья Андреевна возлагала на него большие надежды в той непримиримой борьбе, которую она вела днем и ночью, двадцать четыре часа в сутки и семь дней в неделю.

Это была борьба со временем, точнее – с возрастом. На эту борьбу Софья Андреевна тратила большую часть своего свободного времени и значительную часть семейного бюджета, но борьба эта была изначально обречена на провал.

Время медленно, но упорно побеждало в этой борьбе, и с каждой его победой характер Софьи Андреевны портился, и главное, определяющее ее характер чувство росло.

Это чувство было ненавистью – ненавистью ко всем женщинам моложе ее хоть на несколько лет. И чем больше была разница в возрасте, тем сильнее была ненависть.

Причин для этой ненависти было две.

Первая – само то, что они моложе, значит, их борьба с возрастом пока более успешна, чем ее.

И вторая, может быть, еще более важная – то, что ей казалось, что все молодые женщины спят и видят, как бы соблазнить ее мужа Владислава. Ей казалось, что они заигрывают с ним, кокетничают, строят глазки, нарочно надевают короткие юбки и туфли на высоком каблуке, а Владислав, старый дурак, поощряет эти заигрывания...

Бороться с этой ненавистью было трудно, почти невозможно, хотя Софья Андреевна понимала, что сама ненависть тоже плохо сказывается на ее внешности, и делает еще труднее ее главную борьбу, непрерывную борьбу с возрастом...

Закончив наносить крем, Софья Андреевна немного отстранилась от зеркала и оглядела свое лицо.

Зрелище ее огорчило. Справа под глазом появилась новая морщинка, и цвет лица был нездоровый...

– Чертово зеркало! Это все из-за него! – прошипела Софья Андреевна и вышла из ванной.

В коридоре было большое зеркало, к которому она относилась лучше, чем к тому, в ванной, потому что в этом зеркале она была значительно стройнее и свежее, а значит – моложе.

Оглядев себя в этом зеркале, Софья Андреевна немного успокоилась и решила было пойти на кухню и чем-нибудь перекусить, чтобы поднять настроение – но тут услышала за

входной дверью квартиры какой-то посторонний звук.

Софья очень интересовалась жизнью соседей, поэтому она метнулась к двери и выглянула в глазок.

Глазок, конечно, искажал картинку, но Софья Андреевна все же разглядела, что перед дверью семьдесят шестой квартиры стоит какой-то незнакомый мужчина.

В семьдесят шестой квартире жила Алина.

Алина была моложе Софьи Андреевны на... не важно, на сколько лет, но намного. Слишком намного. И к тому же эта нахалка всегда улыбалась ее мужу Владиславу при встрече возле лифта и разговаривала с ним о погоде.

Да что там, Софья Андреевна была уверена, что эта хищница нарочно караулит Владислава у лифта!

Перед глазами ее стояла картина: вот Алина, не дыша, стоит у своей двери, полностью одетая, и ждет, когда Владислав откроет свою дверь и выйдет. Тогда она стремглав бежит за ним... о боже, нет сил это переносить...

От ненависти к этой... не подобрать приличного слова, кому, Софья Андреевна буквально скрипела зубами.

В первый момент Софья Андреевна подумала, что незнакомец – какой-нибудь знакомый Алины, проще говоря – ха-халь, но потом она осознала, что знакомый позвонил бы в дверь, или, в случае более близкого и более интимного знакомства, открыл бы ее собственными ключами... но тот не делал ни первого, ни второго. Он возился с замком, как будто пытался открыть его без ключа.

И тут Софья Андреевна осознала еще один крайне неприятный факт.

Этот незнакомец стоял перед дверью квартиры, значит, он уже как-то проник в общий тамбур, как-то открыл его дверь... а как он открыл ее, не имея ключей?

И тут до нее дошла ужасная, но очевидная истина: это был квартирный вор. Взломщик. Домушник – кажется, так их называют. Ужасное существо, изредка посещавшее ее в ночных кошмарах.

Первым ее побуждением было броситься в комнату, закрыть за собой дверь и забиться под одеяло...

Это было побуждение детское, глупое и бесполезное, и Софья Андреевна легко его преодолела.

На смену ему пришло другое, более разумное – тихонько пробраться в ту же комнату, схватить телефон и позвонить в полицию. Или хотя бы в охрану ТСЖ.

Софья Андреевна хотела уже так и поступить, но тут мужчина перед дверью соседней квартиры что-то, видимо, услышал, или почувствовал, и оглянулся.

Его взгляд – пристальный, опасный, звериный, нашел Софью Андреевну за дверью ее квартиры и пригвоздил к месту.

Казалось бы, этот взгляд говорил ей – не вздумай никуда звонить! Стой, где стоишь! Или займись собственными делами!

Софья понимала умом, что злоумышленник никак не может видеть ее через глазок, что глазок на то и устроен, чтобы

через него можно было смотреть только в одном направлении... .

Умом-то она это понимала, но ум – это одно, а чувства – это совсем другое. И сейчас Софья почувствовала, что не может двинуться с места, что боится этого незнакомца до потери пульса...

От страха она даже зажмурилась...

А когда открыла глаза, никакого незнакомца на лестнице не было, а дверь семьдесят шестой квартиры была закрыта, как и положено.

Софья Андреевна подумала даже, что все это ей привиделось и что такие видения – еще один признак неизбежных изменений, которые приносит с собой возраст...

Но потом она отчетливо вспомнила человека перед дверью, и особенно – его пристальный, звериный взгляд.

Нет, галлюцинации не бывают такими отчетливыми, такими достоверными. Значит, злоумышленник был, и сейчас он хозяйничает в соседней квартире.

«И какое мне, собственно, дело? – подумала Софья Андреевна отстраненно. – Он же не в мою квартиру лезет, а эта Алина сама виновата – нужно было ставить замки понадежнее. Не случайно он полез в ее квартиру, а не в мою...»

Она хотела уже уйти и заняться собственными делами, но отчего-то не могла сделать ни шагу. Тяжелый взгляд незнакомца словно парализовал ее, пригвоздил к месту перед дверью, сковал по рукам и ногам. Казалось бы, его уже нет, он

занят собственными черными делами – но гипнотическое воздействие его взгляда все еще сохранялось...

Софья Андреевна впала в панику.

Вдруг дверь семьдесят шестой квартиры тихонько приоткрылась, и из нее выскользнул мужчина. Тот самый мужчина, который недавно стоял перед этой дверью и возился с замком...

«Ну да, – отстраненно подумала Софья Андреевна, – он проник в квартиру, сделал свое черное дело, собрал все, что было в квартире ценного, и теперь уходит восвояси. Ну и бог с ним».

Приятного в этом было мало, но кое-что все же было: во-первых, домушник обокрал соседку, которую Софья Андреевна ненавидела хотя бы в силу ее молодости. И во-вторых – она его снова видела, значит, у нее не было галлюцинаций.

Проходя мимо квартиры Софьи Андреевны, злодей снова бросил на нее такой же пристальный звериный взгляд, как будто видел Софью через глазок и через прочную металлическую дверь.

Софья испуганно отшатнулась от двери и даже перекрестилась, чего прежде никогда не делала.

И тут она поняла, что снова может двигаться, что странный паралич отпустил ее.

Софья Андреевна облегченно вздохнула и занялась своими делами.

Прошло несколько часов. Дело шло к вечеру.

Софья Андреевна осознала, что ждет, когда соседка вернется с работы, обнаружит следы кражи и поднимет шум.

Вот она услышала, как хлопнула дверь тамбура, выглянула в глазок и увидела Алину...

Вот сейчас она войдет в свою квартиру... вот сейчас она заорет... ну или, по крайней мере, выскочит на площадку...

Но минуты шли, и ничего не происходило.

Когда прошел целый час, Софья Андреевна поняла, что шоу на сегодня отменяется.

– Что с тобой? – спросил ее муж Владислав недовольно. – Отчего ты все время топчешься у двери, как будто тебе там медом намазано? Ждешь, что ли, кого-то?

– Квитанцию за квартплату должны принести, – ляпнула Софья первое, что пришло в голову. – Всем уже принесли, а нашу куда-то потеряли, я звонила, сказали, что принесут...

Муж только пренебрежительно хмыкнул: вечно грузишь меня своей ерундой, как будто мне делать нечего!

– Ужинать мы будем сегодня или ты так и проторчишь целый вечер в прихожей?

– Да иду я! – отмахнулась Софья Андреевна, которой показалось, что за дверью Алины слышится какая-то возня.

Но нет, все тихо. А вот интересно, что же все-таки этот тип там делал? Вышел с пустыми руками, стало быть, ничего не взял, да и взять-то, если честно, у этой девицы нечего. Ну, шмотки кое-какие, сережки золотые, колечко... и то она все время их носит. Для такого серьезного человека это ерунда,

не стоит и с дверью заморачиваться. Кстати, замки у нее на двери неплохие, в свое время Владислав ей мастера и посоветовал, который у них замки ставил.

За ужином Софья Андреевна была рассеянна, подала мужу вместо томатного соуса соевый и разбила чашку. Хорошо, что не его, а свою. И опять-таки не расстроилась, просто не заметила, так что мужу пришлось самому собрать осколки.

И ночью ей не спалось. Она все думала, в чем же там дело. А вдруг этот опасный человек подложил в квартиру бомбу с целью убить Алину? Да, но отчего же тогда нет взрыва? Или испортил газовый шланг, и теперь он протекает потихоньку, а потом как рванет... она видела такое в детективном сериале...

Глупости, тут же опомнилась Софья Андреевна, у них в доме вообще все плиты электрические.

А может быть, он насыпал яду в сахарницу, и утром, когда Алина станет пить кофе, она вдруг затрясется, закашляет, а потом повалится на пол, губы ее посинеют, изо рта покажется пена, и через несколько минут все будет кончено...

Раньше такая картина перед глазами привела бы Софью Андреевну в прекрасное настроение, как уже говорилось, она ненавидела всех молодых женщин, а уж соседку особенно, потому что она вечно мелькала у Владислава перед глазами. Теперь же эта картина почему-то не доставила ей привычного удовольствия. Она даже зажмурилась, а потом снова открыла глаза.

Проворочавшись полночи, к утру Софья Андреевна сообщила, что ее мучает совесть. С чего вдруг? Эта Алина – девка противная, опять же Владислав...

Софья Андреевна скосила голову в сторону мужа. Увидела чахлые волосики на морщинистом лбу, который переходил потом в обширную лысину. Даже во сне он брезгливо двигал губами и выглядел очень недовольным. И лысее-то некрасиво, плешь на затылке, как люди говорят, «от чужих подушек». Да кому он нужен-то!

Осознав эту мысль, Софья Андреевна даже испугалась. Но ненадолго, потому что мысль, угнездившись в голове, стала обрастать живыми подробностями.

И в самом деле, если рассуждать здраво, кому нужен этот немолодой, некрасивый и небогатый, в общем-то, мужчина, недовольно сопящий сейчас возле нее? Что может найти в нем молодая интересная женщина? Никаких особых ценностей у него нет.

Ну машина, ну дача, ну квартира. Так ведь половина всего этого по закону принадлежит ей. Если бы были хоть связи... да какие у него связи, всего лишь мелкий чиновник, и вряд ли светит ему повышение в карьере, возраст не тот, молодые норвят обскакать.

Как человек, он совершенно неинтересный, увлечь женщину разговорами или комплиментами не в состоянии. Нежности не по его части.

Что касается секса... тут Софья Андреевна фыркнула так

громко, что муж недовольно заворчал во сне. Да, про это лучше вообще не думать. Он-то, конечно, уверен, что с молодой девицей и сам помолодеет, обретет второе дыхание, но это вряд ли...

Встретив рассвет с такими мыслями, Софья Андреевна задала себе конкретный вопрос: какого черта она так изводится? Какого черта иссушает душу и кожу ненавистью, тратит огромные деньги на косметические процедуры? Куда муж от нее денется, с его лысиной, пузом и плохим характером?

Нет, это даже удивительно, до чего изменилось у нее мировоззрение всего за одну ночь... Неужели помог этот дорожный крем? Не зря его так хвалили...

Утром я проспала, потому что забыла завести будильник. Вот вечно я все забываю...

Пришлось выскочить из дома, даже не накрасившись, потому что шеф вчера серьезно предупредил, чтобы все были на работе вовремя, приедет, мол, какой-то важный заказчик, так чтобы все было на уровне. И Милка шепнула нам с девочками по большому секрету, что шеф наш очень в этом заказчике заинтересован, а тот зануда жуткий, если увидит, что дисциплина в офисе хромает на обе ноги, то и договор заключать не станет. И тогда нам всем мало не покажется, шеф пойдет вразнос и половину сотрудников непременно уволит.

Скажу сразу, я работаю в этой фирме почти год и еще не

видела, как шеф наш уходит вразнос, но Милка утверждает, что такое бывает, и в гневе начальник страшен.

Итак, я выскочила из квартиры и побежала было по лестнице, потому что лифт был занят, но на полдороге вспомнила, что забыла ключи от машины.

Я чертыхнулась и понеслась назад. Ключей на столике не оказалось; судорожно вспоминая, куда они могли деться, я рванула на кухню, потом в комнату.

Ключи нашлись в гардеробной, наверное, выпали из кармана пальто. Или все же вещи в моей квартире гуляют сами по себе.

Я поглядела на часы, ахнула, развернулась на пятках и выскочила на лестницу.

И как думаете, с кем я столкнулась буквально у собственной двери?

Правильно, с заразой Софьей Андреевной, вот ее только мне и не хватало для полного счастья!

– Алиночка... – пролепетала она, – с тобой ничего не случилось?

– Что вы имеете в виду? – буркнула я.

– Ну-у... я слышу, дверь хлопает, и ты бегаешь туда-сюда... ты себя хорошо чувствуешь? Какая-то бледная...

Ну ясно, хорошего не скажет, ведьма!

– Все нормально, я на работу тороплюсь. – Я захлопнула дверь и, развернувшись неловко, наступила ей на ногу. Но вместо того чтобы зашипеть, как гадюка на кочке, или за-

орать не своим голосом, Софья только ойкнула.

– Извините! – опомнилась я. – Я нечаянно.

– Ничего, – она слабо улыбнулась, – я сама виновата, под ноги лезу, когда люди торопятся. Ты уж осторожней там, за рулем.

Тут как раз вышла Антонина из лифта, и я поскорее туда проскочила, подхватив отвесившуюся челюсть.

Что это с нашей мегерой Софьей? Раньше от нее и простого приветствия не дождешься, только шипит и смотрит с такой ненавистью, как будто ты у нее кошелек украла. Случайно как-то мы с ее мужем вместе в лифте оказались, так я даже испугалась, думала, тут же на месте придушит.

Ну, тут странного ничего нет: боится, что у нее мужа уведут, как будто он кому-то может понадобиться.

Я, конечно, девушка нескандальная, но когда такое отношение... в общем, я тоже с Софьей здороваться перестала. Так-то она сделать ничего мне не может – квартира моя, все права имею.

А вот как-то в прошлом году Геннадий сдал квартиру одной такой... В общем, Ленка эта ушла от мужа. То есть он сам ее выгнал, как сообщила мне Антонина буквально через два дня. Она все всегда знает.

А Ленку муж выгнал за дело, то есть, по выражению Антонины, поймал ее с мужиком. И даже не он сам, а свекровь. Ну, со свекровью не поспоришь, она скандал закатила и вопрос поставила ребром. Муж тут и сделал все, как она веле-

ла, – выгнал Ленку в чем есть, да еще с ребенком. Ребенок у нее от предыдущего брака остался.

«В общем, Ленка сама виновата, – говорила Антонина, – если уж гуляешь, то не попадайся». И Ленка тут же начала по сторонам оглядываться, чтобы кого другого найти. Ну, Витя все время в рейсе, а Софьян муж тут.

Ленка рассудила, что на безрыбье и он сгодится, и начала ему глазки строить и зазывать в квартиру вроде бы для мелких хозяйственных работ. Короче, Софья нажаловалась на Генку в ТСЖ и в налоговую, что он квартиру просто так сдает, без оформления, он Ленку и выселил.

Ну, там, допустим, был у Софьи повод Ленку ненавидеть, но я-то при чем? Мне ее Владислав Сергеевич нужен, как мертвому припарки. Но Софья этого понять никак не могла и исходила ненавистью. А теперь прямо поет ласково, как мать родная... Чудеса, да и только!

На работу я, конечно, опоздала, но, к счастью, заказчик позвонил и сообщил, что прибудет только после обеда, так что на этот раз все обошлось. И целый день мы готовились, я сдала шефу отчет и даже удостоилась похвалы сквозь зубы.

Потом шеф повез заказчика в ресторан, а мы разошлись пораньше. Милка потащила меня в новый салон красоты, что открылся рядом с офисом.

Салон внешне был шикарный, но пока не раскрутился, сказала Милка, поэтому у них обалденные скидки и акции,

так что можно здорово сэкономить. Опять же всегда очень полезно попробовать что-то новенькое.

Встретили нас в салоне как родных, видно, и впрямь пока с клиентами у них было плоховато. Тут же начали предлагать всевозможные процедуры, но я согласилась только на маникюр и на стрижку, Милка же вошла в раж и набрала кучу всего.

В кабинете мастера ногтевого дизайна, как представилась мне разбитная такая девица не первой, скажем так, молодости, и правда было просторно и удобно.

Девица выложила передо мной палитру цветов и занялась моими руками вполне профессионально. При этом она болтала, не закрывая рта.

Через десять минут я уже было полностью в курсе ее личных проблем. Она приехала в наш город давно, одиннадцать лет назад, привез ее один такой... обещал жениться, да продинамил. Ну, на ребенка давал какие-то деньги первое время, а потом сбежал. А потом еще один тут предложил ей замуж, она и пошла, да только оказался таким козлом, нигде не работал, жил за ее счет, она и развелась с ним, так что теперь сама себе хозяйка, на себя и дочку как-нибудь заработает.

Честно говоря, я не очень ее слушала, не вникала в подробности, так что не могу с уверенностью сказать, в какой последовательности все было – не то муж сбежал от нее, не то хахаль продинамил и выгнал.

Она так много болтала, что у меня голова заболела, и ду-

мается мне, что не станут ее держать в дорогом салоне, не тот уровень.

Я машинально поддакивала, перебирая палитру, как вдруг она спросила:

– А ты давно развелась?

Ага, она уже, оказывается, с клиентами на «ты».

Ну точно не станут держать в дорогом салоне!

Это была первая моя мысль. Но она повторила вопрос:

– Ты давно развелась-то?

– Да с чего ты взяла? – Я даже отдернула руку, так что она едва не поцарапала ее. – Я вообще замужем никогда не была!

– Ага, как же, вон след от кольца обручального... – усмехнулась мастер.

И в ярком свете специальной лампы я увидела тонкую полоску на безымянном пальце правой руки. Странно, я раньше никогда ее не замечала. Свет, что ли, тут какой-то особенный, все подчеркивает...

До болтливой девицы наконец дошло, что не стоит так приставать к человеку, этак можно всех клиентов растерять, а их в салоне и так пока немного.

Я выбрала цвет гель-лака, и больше мы темы развода не касались.

Парикмахерша оказалась полной противоположностью болтушке. Она была приветлива и улыбчива, двигалась вроде бы не спеша, без лишней суеты.

– Вы давно краситесь в блондинку? – спросила она.

– Я? – Я даже удивилась. – Всегда.

И правда, у меня глаза серо-голубые, кожа светлая, блондинкой мне хорошо.

– Но ведь это не ваш натуральный цвет... Я вообще не предлагаю вам вернуться к натуральному, – заторопилась она, видя, что я нахмурилась, – но можно же попробовать что-то другое...

Она не сказала «новое», а именно «другое».

Я улыбнулась ей в зеркале. В конце концов, почему бы и нет?

Пока сохла краска, прибежала молоденькая девчонка и выкрасила мне брови потемнее, сказала, что это совершенно новая технология и продержится гораздо дольше. А потом еще визажист дала бесплатную консультацию по поводу цвета помады и тональника.

В общем, я ушла несколько обалдевшая от своего нового облика, а Милка затерялась где-то в дебрях салона.

Я подъехала к дому, поставила машину на привычное место, заглушила мотор, вышла, захлопнула дверцу и направилась к подъезду.

И вдруг передо мной как будто из-под земли появились два крайне неприятных и подозрительных типа.

Один – высокий, с обвислыми усами и глазами навыкат, второй – низенький и круглолицый, тоже с усами, но у него усы топорщились, как у кота.

«Как у помойного кота», – подумала я с неприязнью.

Приглядевшись, я подумала, что первый, тот, что с обвислыми усами, похож на огромную крысу. Это сходство увеличивали маленькие красные глазки и длинный, подвижный нос.

Хороша парочка – крыса-переросток и помойный кот!

– Куда торопишься? – промурлыкал тот, что похож на кота, и сходство его с котом стало еще заметнее.

– Не твое дело! – резко ответила я и взглянула на отвратительную парочку с высокомерной неприязнью, чтобы не выказать свой испуг.

«А чего мне, собственно, бояться? – убеждала я себя. – Я, считай, дома, а дома и стены помогают...»

– А может быть, как раз мое! – не унимался круглолицый. – Может, у меня к тебе разговорчик имеется!

И оба незнакомца встали прямо передо мной, перегородив мне дорогу к дому.

– Не бойся, – включился в разговор длинноусый. – Мы тебе ничего плохого не сделаем. Прокатишься с нами в машине...

И он начал теснить меня к серому «Фольксвагену», припаркованному возле магазина.

– Покатаемся полчасика, – гнул длинноусый, – на это же место и привезем...

– А ну, пропустите меня! – прикрикнула я, пытаюсь протиснуться к дому.

Я все еще хорохорилась, но чувствовала, что дело плохо.

– Ишь, какая упрямая! – проворчал круглолицый. – Ну что ты упираешься, все равно будет по-нашему...

Тут вислоусый схватил меня за руку и потащил к серой машине. Рука у него была холодная и влажная. И очень сильная. Прикосновение его было очень противным – словно меня и правда схватила за руку огромная красноглазая крыса.

Я в панике завертела головой, чтобы позвать кого-нибудь на помощь. Обычно у нашего дома кто-нибудь ошивается – то Катька курит возле своего магазина, то дворник Ахмет метет тротуар, то гуляет кто-нибудь из собачников, но тут, как назло, не было ни души. Только старушка со второго этажа брела, опираясь на палку. Но от нее какая помощь? На нее ветер дунет – она и переломится...

Тем не менее я повысила голос и окликнула ее:

– Бабушка, позовите Константина, скажите, что ко мне какие-то козлы пристают!

Про Константина я придумала на ходу, надеясь таким образом отпугнуть хулиганов.

– Козлы? – процедил круглолицый. – Ты слышал, Мотыль, она нас козлами обозвала!

– Константина? – переспросила в то же время бабулька, удивительно быстро для своего возраста и внешнего вида приближаясь к нам. – Какого Константина? Не знаю никакого Константина! – и она остановилась, опершись на палочку.

Я поняла, что ждать от нее помощи не приходится, нужно

рассчитывать только на свои силы, и пнула долговязого хулигана в колено. То есть хотела пнуть, но его нога непонятным образом сместилась в сторону, так что я потеряла равновесие и чуть не упала.

Зато бабулька внезапно выбросила вперед свою палку и ударила долговязого под колено. Тот споткнулся, оглянулся и вызверился на старушку:

– Ты что, бабка, совсем из ума выжила? Проваливай быстро, пока я добрый! Я вообще-то старых людей не обижаю, но если ты меня разозлишь...

– Ась? – переспросила старуха, приложив руку к уху ракушкой, и тут же ткнула долговязого своей палкой в живот.

Долговязый отпустил мою руку, шагнул к старухе, занеся руку для удара, но она как-то хитро подсунула свою палку ему под ноги, он споткнулся и со всего маху грохнулся на асфальт.

Круглолицый, который до того следил за мной, оглянулся, удивленно уставился на старушку и бросился к ней, угрожающе размахивая кулаками, как ветряная мельница крыльями. Старушка попятилась и с неожиданной ловкостью отскочила в сторону.

В это время из магазина вышел знакомый мне бритоголовый тип с третьего этажа, кажется, Павел, со своим неизменным песиком под мышкой.

Круглолицый, похожий на кота субъект не успел остановиться и с разбега налетел на моего бритоголового соседа.

Павел только легонько ткнул его кулаком в живот, отчего круглолицый хулиган отлетел на два метра.

– А ты чего здесь вмешиваешься? – прошипел он на бритоголового. – Это не твое дело! Шел себе – и иди!

– А ты еще кто такой, чтобы мне предьявы кидать? – набычился бритоголовый. – Я здесь живу, значит, здесь мои порядки, а тебя чтобы через секунду поблизости не было или ноги обломаю!

– Это еще кто? – проговорил долговязый, похожий на крысу тип, который поднялся с тротуара и злобно оглядывался по сторонам.

– Да вот нарисовался какой-то лысый качок и умничает! – ответил круглолицый.

– Я его быстро умничать отучу! – И долговязый бросился на моего соседа.

Павел ловко увернулся, спустил песика на тротуар и сказал ему:

– Фунтик, подожди, мне тут разобраться нужно!

Долговязый, похожий на крысу тип развернулся и снова атаковал Павла. Причем почти попал ему кулаком в челюсть. Но Павел все же в последний момент закрылся локтем и, в свою очередь, провел прямой удар в живот долговязого. Тот согнулся пополам, но удивительно быстро пришел в себя и снова двинулся на Павла.

Но в это время Фунтик подскочил к нему, подпрыгнул и вцепился зубами в щиколотку.

Долговязый запрыгал на одной ноге, безуспешно пытаясь сбросить песика, но тот вцепился в него, как клещ. А Павел несколько раз ударил противника в челюсть и в живот, так что тот окончательно скис, а потом ловко перекинул его через плечо и швырнул на тротуар рядом с серым «Фольксвагеном».

Круглолицый коротышка бросился было на помощь своему приятелю, но у него на пути оказалась старушка, про которую все забыли. Старушка ловко взмахнула своей палкой, ноги у коротышки заплелись восьмеркой, и он рухнул на тротуар. Однако быстро поднялся, здраво оценил ситуацию и бросился к машине. По дороге он помог своему напарнику подняться и втащил его в «Фольксваген».

Серая машина обиженно фыркнула мотором и умчалась, оставив после себя запах глубокого разочарования.

Поле боя осталось за нами – за мной, Павлом с Фунтиком и удивительной старушкой. Причем моя роль в этой победе была минимальной, даже маленький Фунтик и тот внес в нее куда более заметный вклад.

Павел, проводив взглядом серый «Фольксваген», повернулся ко мне и лаконично осведомился:

– Знакомые?

– Первый раз вижу! – фыркнула я презрительно и всем своим видом показала, что таких знакомых у меня нет и быть не может. Но тут же спохватилась и искренне проговорила: –

Спасибо вам большое! Если бы не вы, не знаю, чем бы это кончилось! Здорово вы их!

– Да я-то что... – Павел усмехнулся. – Вот Фунтик у меня герой! Как он ему в ногу вцепился! И бабушка тоже здорово поработала... – Он повернулся к старушке, которая уже удалялась, опираясь на свою палочку, и проговорил ей вслед: – Снимаю шляпу, мамаша! Где вы так научились орудовать палкой? Вы, случайно, в спецназе не служили?

– Нет, родной, чего не было, того не было! – проговорила старушка, обернувшись. – Я по молодости в цирке работала, там и научилась! – И она скрылась в подъезде.

– Значит, говорите, первый раз? – переспросил Павел, снова повернувшись ко мне. В его голосе прозвучало сомнение.

– Клянусь – никогда прежде их не видела! Отморозки какие-то, шпана...

– Шпана-то шпана, но тот, долговязый, кое-какие навыки рукопашного боя имеет. Удар хорошо держит и пару хороших приемов знает. Интересно... надо Васильичу сказать, чтобы принял меры, а то у нас какие-то отморозки шляются, непорядок...

Васильич – это военный отставник, который в нашем доме следит за порядком – приглядывает за охранными камерами, время от времени обходит территорию и прочее.

Я еще раз поблагодарила Павла, почесала Фунтика за ухом.

Тут из своего магазинчика вышла Катька.

Увидев меня наедине с Павлом, она поджала губы. Но тут же выкатила глаза:

– Ой, это ты, что ли, Алинка? Чтой-то ты с собой сделала?

Не узнать прямо...

Тут и Павел бросил на меня внимательный взгляд.

Ага, узнал, значит. Катерине взгляд Павла не понравился, я это сразу поняла.

– Что тут за шум был? – спросила она Павла.

– Да вот какие-то придурки на нее напали... – начал Павел, а сам все смотрел на меня.

Я поспешила ретироваться – ссориться с Катериной не входило в мои планы.

Дома я встретила взглядом со своим отражением в зеркале. Несомненно это была я, но как непривычно...

Волосы значительно темнее, подстрижены асимметрично, и под темными бровями взгляд казался более глубоким, выразительным и... и таинственным, что ли.

Я улыбнулась себе в зеркале. Улыбка тоже была другая.

И тут вдруг мне показалось, что такое со мной уже было. То есть я видела уже это отражение в зеркале, та женщина также поворачивала голову и улыбалась. Челка чуть падала на глаза, я откинула ее привычным жестом.

Что такое, ведь у меня не было никогда никакой челки! Всегда носила прямые светлые волосы до плеч, мама еще говорила, что не всегда они выглядят прилично, а я ей завидо-

вала – у нее-то грива будь здоров! У полных всегда волосы хорошие, питания много...

Я вздрогнула, и наваждение прошло. Не было такого, не видела я до сего времени эту женщину в зеркале. Это же я, только прическу изменила. Может, зря я позволила себя уговорить? Этак теперь от зеркала шарахаться будешь...

А вообще-то неплохо, мастер свое дело знает, не зря ее в дорогой салон взяли.

Просто день сегодня какой-то нервный.

После стычки с отморозками меня колотило, пока в лифте поднималась. Даже пожалела, что Антонину не встретила. Вот интересно – то она болтается целыми днями во дворе, а то куда-то делась.

Сейчас дрожь прошла, но когда я вспомнила тех двух уродов, снова поплохело.

Я сварила себе кофе, выпила чашку и машинально открыла коробку конфет – ту самую, которая осталась после посещения коварной девицы.

Конфеты и правда были просроченные – начинка в них высохла и горчила.

На меня кофе действует не так, как на всех остальных, – я от него успокаиваюсь. Чем крепче – тем лучше. Вот и сейчас я немного успокоилась и задумалась.

Что-то слишком много странного со мной происходит в последние дни... сначала ко мне втерлась та девица, якобы за вантузом. Потом она же пришла снова, с конфетами, и

отключила меня какой-то дрянью. Причем в квартире ничего не пропало. А сегодня какие-то придурки попытались меня похитить... не понимаю. Зачем я им понадобилась? Я не миллионерша, и не богатая наследница, и никаких ценных секретов не знаю. А они не побоялись напасть на меня прямо возле дома, притом что у нас имеется охрана и камеры установлены...

И вообще в доме живут приличные люди, никогда у нас поблизости таких типов, как эти двое, не бывало.

Тут я снова взглянула на коробку с конфетами и вспомнила, что говорила Катька: что эту коробку купил интересный мужчина со шрамом, приехавший на синем «Мерседесе»...

Ну, если Катьку послушать – у нее все мужики моложе восьмидесяти интересные, это нельзя считать особой приметой, разве что шрам. И то, мало ли в нашем городе мужчин со шрамом. Но вот синий «Мерседес» – это уже что-то конкретное...

И тут я вспомнила, что возле входа в Катькин магазин установлена камера. И что синий «Мерседес» в нее вполне мог попасть. Раз уж он припарковался рядом с магазином.

Я не поленилась, спустилась на первый этаж и постучала в комнату охраны.

– Открыто! – донесся из-за двери хриплый голос Васильича.

Я зашла внутрь. Васильич сидел за столом перед монитором, на который были выведены изображения с нескольких

камер, и пил чай с пряниками.

– Чаю хочешь? – спросил он приветливо.

Васильич вообще мужик не вредный, а мне как-то особенно симпатизирует. Говорит, что я на его дочку похожа. А сегодня смотрел по-другому, задумчиво как-то.

Я удивлялась, пока не вспомнила, что была сегодня в салоне красоты и изменила внешность.

– Ничего так! – Васильич подмигнул мне по-хорошему. – Так чай будешь пить?

– Какой чай! – проговорила я со вздохом.

– Случилось что?

– Да какой-то козел мою машину помял! Прихожу – а на ней такая вмятина...

– Так застрахована машина-то?

– Застрахована, конечно, только у меня франшиза – такое повреждение под страховку не попадает, так что я влетела на деньги.

– Сочувствую! А только я-то чем могу помочь?

– Васильич, миленький, а можно мне посмотреть на видео – может, узнаю, кто мою ласточку задел, и прихвачу козла? Если это кто-то из наших...

– Да, конечно, смотри, нет проблем. С какой камеры тебе показать и за какое время?

Я сказала, что ставила машину возле магазина, и время назвала примерно то, когда неизвестный мужчина со шрамом покупал у Катьки конфеты.

Васильич поставил нужный диск, пощелкал кнопками и пересел на другой стул:

– Садись, смотри!

Я начала просматривать запись в ускоренном режиме. Васильич смотрел через мое плечо, чем меня сильно напрягал. Ведь увидит, что моей машины близко не было...

Тут ему кто-то позвонил по громкой связи:

– Охрана? Откройте шлагбаум!

– Кто такой? – строго осведомился Васильич. – На каком основании?

Он вообще-то, как я уже говорила, человек не вредный, но не любит, когда на него повышают голос. Вот и сейчас он прикрыл микрофон ладонью и проворчал:

– Ишь, раскомандовался! Держится, как большой начальник, а наверняка всего-то курьер!

Водитель сменил тон и стал объясняться. Васильич долго ломался, а я, пока он был занят, быстро просматривала запись...

Вот в кадре появился темный «Мерседес». Запись черно-белая, так что цвет сразу не определишь, но, скорее всего, машина и правда синяя. А вот из нее вышел высокий мужчина, вошел в Катеринин магазин... ну, не сказать, что красавец, но ничего, рослый, подтянутый, и вроде бы действительно шрам имеется.

Через минуту он вышел с коробкой конфет. Ну ясно, это тот самый, про кого говорила Катерина. Мужчина сел в ма-

шину, и тут я заметила рядом с ним еще один силуэт, скорее всего, женский...

Синяя машина отъехала от магазина и тут же пропала из поля зрения камеры.

Я отмотала немного назад, до того места, когда «Мерседес» появился в кадре. Как назло, номера не были видны, и потом он стоял боком к камере. Но когда отъезжал от магазина, на мгновение развернулся так, что показали номера...

Я поставила плеер на паузу, склонилась к экрану и пригляделась. И мне удалось прочитать номер. УГУ 758. Ну что ж, это хорошо.

Тут Васильич закончил препираться с водителем, поднял шлагбаум и повернулся ко мне:

- Ну что, поймала того козла?
- Нет, наверное, это меня в другом месте задела!
- Ну, если так, я тебе ничем помочь не могу.
- Все равно спасибо!

Грозен и всемогущ Царь Царей, владыка Азии Ксеркс, сын Дария Великого. Он и сам не знает имена всех племен, подвластных его скипетру, он и сам не знает, как обширна его держава, сам не знает, как велико его богатство. Да ему и не надо – на то есть у него подданные, сатрапы и чиновники, казначеи и писцы. По одному мановению его руки, по одному движению брови исполняют они любой приказ, любое царственное пожелание.

Восседает Царь Царей Ксеркс в огромном зале, облицованном мрамором и порфиром, украшенном золотом и слоновой костью. Трон его усыпан драгоценными камнями, он сверкает, как утреннее солнце в шоле. Сам Ксеркс облачен в просторный, расшитый золотом тирский хитон, на голове у него сияющая тиара, увенчанная огромным рубином. Рубин этот украшал статую богини в далекой Индии, но Царь Царей возжелал его – и покорные индийцы принесли рубин и положили к его ногам. Разгневалась богиня – но что такое гнев индийской богини по сравнению с гневом Царя Царей?

В правой руке у царя – скипетр из слоновой кости, усыпанный самоцветными камнями, левой рукой царь перебирает волнистую, выкрашенную охрой бороду.

За спиной у царя стоят два эфиопских раба, обмахивают они Ксеркса опахалами из перьев страуса.

По бокам трона стоят два могучих воина в драгоценных хитонах, с саблями в позолоченных ножнах. Это – Бессмертные, непобедимые царские гвардейцы.

У подножия трона стоят в ожидании приказов грек-переводчик, мидянин-распорядитель и дюжий скиф в рубахе без рукавов – этот на случай, если царь захочет кого-то немедля казнить.

Перед троном на мраморном полу – посланец Карфагена, на нем – расшитая золотом пурпурная мантия, драгоценный головной убор. Ждет карфагенянин царского решения – позволит ли

Ксеркс его соплеменникам торговать в его бескрайней империи?

Царь Царей милостиво кивнул, проговорил что-то переводчику, переводчик залопотал на гортанном языке, карфагенянин заулыбался, низко поклонился, принялся благодарить.

В это время распахнулись высокие двери зала, быстро вошел царский родич, военачальник Мардоний. Видно, что только из похода, едва успел переодеться в соответствующие случаю одежды, но не успел смыть дорожную пыль.

Прошел военачальник к трону, оттеснив карфагенянина. Тот испуганно отступил, недоуменно огляделся.

Царь Царей помрачнел, знает, что не посмел бы Мардоний нарушить порядок без серьезной причины. Знаком велел вывести карфагенянина.

Когда двери за ним закрылись, спросил:

– Что случилось?

– Не вели гневаться, государь! – Мардоний склонился перед царем. – Я лишь принес эту весть!

– Говори!

– Греческие города в твоих владениях взбунтовались, перебили гарнизоны.

Побагровело лицо царя, глаза его вспыхнули от гнева.

– Как они посмели?! Знают ведь, что будут за это сурово наказаны!

– Они не посмели бы поднять мятеж, если бы не помощь.

- Помощь? Чья помощь?
- Афины прислали им двадцать боевых кораблей.
- Вот как? – Владыка опустил голову, задумался.

Затем взглянул на своего распорядителя и приказал: – Приведите того грека!

Распорядитель тут же понял, о ком идет речь, шепнул что-то своим подчиненным, те мгновенно исчезли.

Не прошло и часа, как в зал в сопровождении двух придворных вошел хмурый грек в стоптанных сапогах, в простой льняной тунике и поношенном сером плаще. Прошел через зал, не глядя по сторонам, не дивясь блеску мрамора и сверканию драгоценных камней.

Сопровождавшие его придворные упали ниц перед тронем, грек же остановился и кивнул Царю Царей, как ровне, как старому знакомому.

Все в зале замерли в испуге. Даже рабы с опахалами на мгновение перестали обмахивать царя. Только гвардейцы-Бессмертные не шелохнулись и не выказали страха.

Мидянин-распорядитель подскочил к невозмутимому греку, испуганно залопотал, косясь на правителя. Переводчик в трепете перед царским гневом зашептал:

– Ты лицезришь Царя Царей, владыку Азии, бессмертного Ксеркса! Немедля склонись перед ним, коснись лбом пола и жди позволения подняться!

Грек презрительно взглянул на мидянина и на толмача, проговорил сухо:

– Я – Демарат, царь Спарты, потомок Геракла. Я благодарен великому царю за его благосклонность, но спартанцы никогда и ни перед кем не склоняются.

Все присутствующие застыли в страхе. Скиф-палач потянул из ножен меч, ожидая царского приказа обезглавить наглеца. Переводчик побледнел, не решаясь перевести слова грека.

Но перевод не понадобился – Царь Царей неплохо понимал по-гречески, переводчика же держал для соответствия придворным правилам, а также для того, чтобы иметь запас времени на раздумья.

Лицо владыки перекопилось от гнева... но затем оно разгладилось, Ксеркс взял себя в руки и заговорил:

– Никто из смертных не смел стоять перед моим тронном так гордо, как ты. За такую заносчивость любого другого я приказал бы тотчас же казнить, но я вижу твое царственное лицо и понимаю, что ты – истинный царь и ни перед кем не склоняешь головы. Расскажи же, Демарат, что привело тебя в мой дворец и чего ты хочешь.

– Я – законный царь Спарты, двадцать поколений моих предков правили в этом великом городе, но сейчас родственники сместили меня. Я пришел просить тебя, о Ксеркс, о военной помощи, чтобы восстановить справедливость.

– Я выслушал тебя благосклонно, о Демарат. Теперь я хочу спросить: если я помогу тебе вернуть трон твоих предков, сможешь ли ты мне покарать заносчивые Афины?

– Да, государь! Демарат всегда возвращает долги и держит слово! Тем более я ненавижу заносчивых афинян, не ценящих истинное благородство и идущих на поводу у простого народа!

– Скажи мне, Демарат, Спарта – это и впрямь такой великий город, как ты говоришь?

– Да, государь. Самый великий и самый могущественный из греческих городов.

– В чем же его величие? В огромной армии? В мощном флоте? В несокрушимых крепостных стенах?

– Нет, государь! У Спарты нет флота, ибо она расположена далеко от моря. У Спарты нет каменных стен, ибо ее стены – это щиты ее сыновей. Армия Спарты не очень велика, но каждый спартаец стоит сотни других воинов.

– Я выслушал тебя, Демарат. Но это – всего лишь слова. Ты говоришь, что каждый спартаец – великий воин? Но у меня есть моя гвардия, десять тысяч Бессмертных. Каждый из них – великий воин. Можешь ли ты сразиться с одним из них?

– Да, государь.

Царь Царей сделал неуловимый жест рукой – и один из Бессмертных выступил вперед, встал перед спартацем, вытащил из ножжен длинную саблю.

Демарат быстрым взглядом окинул персидского воина, оценил его высокий рост и мощное телосложение, достал из ножжен свой короткий меч – акинак.

Распорядитель и переводчик стояли чуть в стороне,

наблюдая за происходящим. Они успокоились, царский гнев на сегодня их миновал, и теперь можно было полюбоваться поединком.

– Твой соотечественник глуп, – вполголоса сказал переводчику мидянин. – У него нет ни одного шанса против Бессмертного! Кроме того, что он меньше ростом и слабее, его меч слишком короток. Он не сможет даже приблизиться к гвардейцу – тот снесет ему голову своей длинной саблей! И вообще, как хваленые спартапцы сражаются такими короткими мечами? Их слава явно преувеличена!

– Подожди говорить прежде времени. Ты еще не видел спартапца в бою. Я готов поставить на него драхму. А что до длины меча – не в ней дело, а в том, чьи руки его сжимают. В большом бою спартапцы сражаются копьями, меч у них – лишь для рукопашной.

– Драхму, говоришь? Я готов поставить на Бессмертного четыре драхмы, ибо не сомневаюсь в его победе!

– Заметано!

Персидский воин, как всякий опытный боец, не спешил. Он принял боевую стойку и внимательно следил за поведением своего противника, чтобы изучить его манеру боя и выбрать подходящий момент для нападения.

Спартапнец же стоял свободно, уронив руки вдоль тела, как будто его ожидал не поединок с могучим бойцом, а увеселительная прогулка по царским садам.

Бессмертному надоело выжидать. Он решил,

что грек – жалкий противник, способный только бахвалиться. Он выкрикнул боевой клич и метнулся вперед, взмахнув длинной саблей, быстрой и сверкающей, как молния...

И упал на мраморный пол вниз лицом.

Никто не понял, что произошло.

Бессмертный лежал, не подавая признаков жизни, а из-под лопатки у него торчала позолоченная рукоять акинака.

– Ты не забыл, мой друг, что поставил на Бессмертного четыре драхмы? – насмешливо проговорил переводчик.

И тут же замолчал, потому что заговорил Царь Царей:

– Ты умеешь не только говорить, Демарат. Ты великий воин, и если остальные спартанцы хоть вполовину так хороши, как ты, то я согласен с тобой – Спарта могущественный город, и ей не нужны каменные стены, ее стены – это воины.

– Ты pomoжешь мне вернуть трон моих отцов, государь?

– Помогу. Тем более что я должен отомстить заносчивым афинянам за помощь мятежникам, и в этом ты, Демарат, pomoжешь мне...

Рано утром у нас на площадке послышался шум, грохот и топот, как будто шло на водопой стадо слонов.

«Все ясно, – сквозь сон подумала я, – Витька вернулся. Как раз вовремя».

Я выглянула на лестницу и увидела, что Витя вытаскивает из лифта какие-то тюки и баулы. Он вечно везет что-то из рейсов.

– Привет! – обрадовался он. – Лифт придержи!

Тут подоспела Антонина, втроем мы быстро управились.

– Здорово, соседка! – Витька весело облапил меня. – Ты все хорошеешь!

– Да ладно тебе, – я легонько вывернулась, – а скажи, Витя, брат твой двоюродный все еще в ГИБДД служит?

– Надумала? – неподдельно огорчился он. – Поздно уже! Раньше надо было думать!

Он отчего-то вбил себе в голову, что с его двоюродным братом я должна найти свое счастье, точнее, это Антонина ему внушила. Говорила же я, что она мечтает выдать меня замуж. Так вот, брата этого я видела только на фотографии и, скажу сразу, не очень впечатлилась. Но сразу об этом Вите не сказала, неудобно было человека обижать, он-то хочет как лучше...

– Упустила ты свое счастье, Алинка, – вздохнул Витя, – женится брательник мой, уже и заявление подали. Она, понимаешь, беременная, двойню ждут! Так что ничего тебе тут не светит... упустила ты свое счастье!

– Да ладно, чего уж... – я сделала вид, что расстроилась, – но вот может он номер машины одной для меня пробить? В память о нашей несостоявшейся любви...

И протянула Вите бумажку с номером. Тут его затормо-

шила Антонина, и дети выскочили на площадку в пижамах, в общем, я решила, что человек нужен семье, и ушла к себе.

Было еще слишком рано, чтобы вставать, поэтому я повалялась немножко, потом долго принимала душ, а когда вышла, услышала стук в дверь.

В последнее время стук в дверь меня несколько напрягает, так что я на всякий случай вооружилась зонтиком, но оказалось, что зря, потому что Витя снова изо всех сил бабахнул кулаком в дверь и зычно крикнул, чтобы я открывала.

– Держи! – он протянул мне бумажку. – Машина на эту фирму зарегистрирована. «АО Аттика», поняла? Как раз брату позвонил, он и сделал запрос, в два счета узнал.

Поблагодарив Виктора, я вернулась к себе и, не откладывая в долгий ящик, включила компьютер.

На название «Аттика» компьютер выдал мне целую серию статей – историческая область на юго-востоке Греции, магазин авторской мебели, поставка экологического детского питания, турфирма, еще несколько мелких фирмочек...

Вспомнив, что сказал Виктор, я добавила к слову «Аттика» две буквы – «АО», акционерное общество.

На этот раз мне выдали единственную статью.

Акционерное общество «Аттика» занималось какой-то непонятной финансово-аналитической деятельностью и размещалось на пятой линии Васильевского острова.

На всякий случай я посмотрела это место на карте и выяснила, что искомый адрес расположен между Средним и Ма-

лым проспектами, ближе к Малому.

Тут я взглянула на часы и поняла, что опаздываю на работу. Вот так всегда, вроде бы и проснулась сегодня ни свет ни заря, а от шефа снова попадет.

Когда я, взмыленная и растрепанная, выскочила на площадку, то столкнулась с соседом. Он не спеша выплывал из своей квартиры, был чисто выбрит, из-под куртки выглядывал воротник белой рубашки и кусочек галстука. Галстук был красивый. Судя по брюкам, костюм тоже был весьма приличный и дорогой. И куртка тоже недешевая, и ботинки начищены до зеркального блеска.

– Здравствуйте, – буркнула я, потому что настроение сразу упало. Вот сейчас встанем мы с ним в лифте перед зеркалом, и по сравнению с ним я просто пугало огородное!

– Доброе утро! – ответил он равнодушно, бросив на меня мимолетный взгляд.

И ничего не сказал, не то чтобы комплимент – мол, идет вам новая прическа, изменились к лучшему, – нет, этот тип даже не удивился. Охранник Васильич, которому шестьдесят лет в обед, и то заметил перемены, песик Фунтик лаем выразил одобрение, а этот и бровью не повел, и глазом не моргнул! Мол, мы вас не знаем, смотреть на вас не желаем, хоть вы противогаз наденьте – мы вас в упор не видим. Да не больно-то и хотелось!

И пока я возилась с ключами, он быстренько проскочил к лифту и уехал. Вот именно, просто зашел в кабину и уехал на

первый этаж! Ну, я вам скажу, это уж форменное хамство!

Я скрипнула зубами и побежала вниз. И успела раньше лифта, потому что он останавливался едва ли не на каждом этаже, и к соседу подсели Сонька с пятого со своим годовалым бутузом и дядечка с третьего с кавказской овчаркой по кличке Буран.

Вы не поверите, с каким вполне объяснимым злорадством я заметила клочья шерсти на брюках соседа. Да еще и галстук ручной работы был обсыпан крошками печенья (Сонька зазевалась). Да еще овчарка обступала ему все ботинки. Bravo, Буранчик, с меня косточка!

Придя в прекрасное расположение духа от такой картины, я не слишком переживала по поводу опоздания. И, как оказалось, зря, потому что шеф впал все-таки в ярость. А поскольку в гневе он страшен, то Милка перехватила меня перед дверью офиса и велела не показываться ему на глаза, а лучше затаиться в бухгалтерии, пока шеф не утихнет.

В бухгалтерию Милка послала меня не просто так, а по просьбе бухгалтера Светланы Сергеевны.

– Алина, ты ведь на машине, так отвези, пожалуйста, накладные на склад! – сказала она таким голосом, что сразу стало ясно: отказа не примет.

Я мысленно застонала: склад находится у черта на куличках, сначала до Васильевского полгорода пилить по пробкам, а потом там дорога вся битая, можно и машину угробить. Но, видно, сегодня не мой день, так что пришлось согласиться.

Погода сегодня не соответствовала петербургской осени, то есть светило солнце, так что я нашарила в бардачке темные очки. Солнце на миг осветило мои руки на руле, и мелькнула полоска на безымянном пальце правой руки. Вспомнилась болтовня маникюриста в салоне.

Да ерунда, глупая баба все путает. Я никогда не была замужем, я знаю точно. А она так прищурилась – мол, не хочешь, не говори, подумаешь, секреты какие! Нет, выгонят девку эту из салона, уж больно фамильярно себя ведет с клиентами. Нахально утверждает, что видит след от обручального кольца. Но с чего она взяла, что кольцо – обручальное, можно ведь и любое кольцо на этом пальце носить.

Снова луч солнца, отразившийся в витрине, осветил мою руку.

Я так пристально рассматривала полоску на пальце, что едва не задела микроавтобус, который истерично загудел. Все-таки некоторые водители слишком нервные.

И все-таки если остался след, то кольцо я должна была носить достаточно долго. И где оно, то кольцо? Куда оно делось?

Я совершенно не помню. У меня одно колечко с сапфиром, и серьги вообще без камней, больше ничего и нету. Я – девушка небогатая, никто драгоценностей не дарит. Так что насчет кольца надо у мамы спросить.

Тут началась такая отвратительная дорога, что все мысли вылетели у меня из головы, кроме одной: какую бы гадость

сделать бухгалтеру Светлане Сергеевне, чтобы отомстить за машину.

На складе я управилась быстро, и дорога назад до Васильевского была преодолена мною без потерь. И уже сворачивая на мост, я вдруг вспомнила, что неподалеку отсюда расположена та самая фирма «Аттика», на которую зарегистрирован синий «Мерседес».

Руки сами повернули руль, я съехала на Пятую линию и через две минуты увидела справа от дороги симпатичный двухэтажный особнячок, расположенный в глубине сада.

Деревья в саду уже облетели, и особняк был хорошо виден.

Классической желто-белой расцветки, с пилястрами по сторонам входа, недавно отреставрированный, он говорил о том, что дела в фирме «Аттика» идут неплохо.

Но больше всего меня заинтересовала асфальтовая площадка перед входом в особняк. На этой площадке стояло несколько приличных машин, и на самом заметном месте был припаркован синий «Мерседес».

Вот так вот. Совершенно открыто стоит машина, ни от кого не скрывается. Значит, тот, кто на ней ездит, уверен в себе и никого не боится.

Я припарковала свою машину неподалеку от ворот, достаточно близко к синему «Мерседесу», и приготовилась к ожиданию.

Впрочем, ждать мне пришлось недолго. Прошло пример-

но полчаса, и из дверей особняка вышел невысокий плотный мужчина с одутловатым, отечным лицом. Дорогое, хорошо сшитое кашемировое пальто скрадывало многочисленные недостатки его фигуры.

Мужчина подошел к синему «Мерседесу», остановился, огляделся по сторонам и недовольно взглянул на часы.

При всем желании его нельзя было принять за того человека, которого я видела на записи охранной камеры, да и под Катькино описание он никак не подходил.

Мужчина подергал дверцу машины, поморщился и достал из кармана айфон. Но набрать номер не успел – дверь особняка снова распахнулась, и оттуда торопливо вышел второй мужчина – высокий, подтянутый, плечистый, в черной куртке.

Приглядевшись, я увидела на его подбородке небольшой шрам.

Ну, это точно тот самый тип, о котором говорила Катерина!

При виде этого человека первый – тот, что в кашемире, – надулся и недовольно проговорил:

– Вячеслав, я тебя здесь уже полчаса жду! Тебе что – надоела эта работа? Так я тебе живо найду замену!

Как я уже сказала, моя машина стояла совсем близко, так что я могла слышать разговор, тем более что шел он на повышенных тонах.

– Не нужно, Армен Левонович! – ответил красавчик. –

Меня задержали, Армен Левонович!

– Это меня не интересует! Ты должен выполнять свою работу как положено!

– Это не повторится, Армен Левонович! – С этими словами он предупредительно открыл перед одутловатым типом пассажирскую дверцу, а сам уселся за руль.

Все понятно – это не его «Мерседес», он – шофер, возит своего шефа. А Катька-то губу раскатала... весь из себя, да еще и машина... ага, принц из сказки прямо в магазинчик ее прикатил...

Синий «Мерседес» развернулся, подъехал к воротам, ворота автоматически открылись, и машина выехала на улицу.

Я немного выждала и поехала следом. Ехали они недолго – с Васильевского перемахнули через Неву в центр, свернули налево и остановились перед солидным пятиэтажным зданием. Внушительный вид этого здания и множество дорогих машин, припаркованных перед ним, говорили о том, что в нем располагается какое-то государственное учреждение, куда и приехал Армен Левонович, чтобы решить какие-то важные вопросы.

Синий «Мерседес» пристроился неподалеку от входа. Здесь он уже не выглядел таким внушительным – вокруг было много куда более крутых машин.

Водитель выскочил первым, открыл дверцу шефу. Армен Левонович выбрался следом. Теперь и он тоже не казался таким значительным и самоуверенным, каким был возле сво-

его офиса, – здесь, рядом со средоточием власти, он заметно ссутулился и поник. Тем не менее, повернувшись к водителю, он что-то ему строго проговорил.

На этот раз я была слишком далеко и не могла слышать его слова, но по властным жестам и выражению лица, а также по тому, как он показал на свои часы, я поняла, что он велит водителю ждать его в такое-то время.

Водитель что-то ответил, подобострастно склонившись, но как только шеф скрылся за дверью, сел за руль и тут же отъехал.

Ага, не очень-то он боится своего начальника, только вид делает, а сам за его спиной проворачивает свои делишки!

Синяя машина объехала квартал, поравнялась с небольшим кафе и притормозила. Тут из кафе вышла молодая, хорошо одетая и смутно знакомая мне женщина.

Приглядевшись к ней, я поняла, что это именно она приходила ко мне в квартиру под видом соседки, именно она брызнула мне в лицо какой-то дрянью, чтобы отключить мое сознание... правда, я так и не знала, зачем она это сделала.

Ну да, только в первый раз на ней был халат (дешевенький такой, едва ли не с рынка) и голова полотенцем замотана, а во второй раз тоже что-то темненькое-скромненькое. И мне бы, идиотке, сразу догадаться, что не может молодая женщина ходить в старушечьем халате, ну не живут в нашем доме такие. Уж, во всяком случае, второй-то раз эту бабу в дом не пускать. Что это на меня нашло...

Но, во всяком случае, теперь я убедилась, что иду по верному следу, и если не собьюсь с него, узнаю, в чем тут дело...

«Мерседес» еще немного покрутил по улочкам центра и снова остановился, на этот раз перед большим магазином женской одежды. Девушка вышла из машины и вошла в магазин.

Вот интересно – ее приятель оставил свой пост, рискуя нарваться на гнев начальника, только для того, чтобы отвезти ее в этот магазин? Да сюда и пешком-то можно было дойти за пять минут! Нет, определенно тут какая-то хитрость... то ли она здесь с кем-то встречается, то ли еще что-то задумала...

Недолго думая я остановила машину неподалеку от того же магазина и вошла в него.

Оглядевшись по сторонам, я увидела ту самую девушку. Она как раз подходила к дверям, выходящим на другую улицу.

Ага, она просто запутывает следы! То ли просто на всякий случай, то ли заметила, что я за ней слежу.

Так или иначе, я тоже пошла к выходу.

Выскользнув на улицу, огляделась по сторонам, но не увидела хитрую девушку. Куда она могла спрятаться?

Улица хорошо просматривалась в обе стороны и была пуста.

Тут я заметила подворотню, перекрытую железными воротами. Не иначе как она вошла в эту подворотню...

Я подошла к воротам.

В них имелась калитка с кодовым замком. Я остановилась в растерянности, но тут вспомнила, как читала в каком-то детективе, как герой открыл такой замок. Он посмотрел на него сбоку и нажал на те кнопки, которые были сильнее вытерты.

Я сделала так же – взглянула сбоку и увидела, что кнопки с цифрами три, шесть и восемь блестят сильнее остальных.

Эти-то кнопки я и нажала.

Замок щелкнул и открылся.

Я порадовалась тому, какая я умная, толкнула калитку и вошла в подворотню.

Там было темно, и в первый момент я ничего не разглядела.

А потом рядом со мной прозвучал смутно знакомый голос:

– Думаешь, ты такая умная?

Какую-то долю секунды я пыталась вспомнить, откуда знаю этот голос – и вспомнила, но в то же мгновение в глазах у меня стало еще темнее, и я отключилась.

Пришла в себя я от резкого толчка.

Я открыла глаза и поняла, что нахожусь в машине – но определенно не в своей. У меня машина скромная, хотя она мне нравится и вполне устраивает. И пахнет в ней скромно – пластиком, моими собственными духами и освежителем воздуха. А в этой машине пахло так, как должно пахнуть в

дорогих машинах – кожей, немного табаком, немного виски и еще хорошим мужским дезодорантом. А еще – деньгами, хотя говорят, что деньги не пахнут.

И вот интересно, как я оказалась в этом автомобиле?

Я повернула голову и увидела сидящую рядом молодую женщину.

И тут все вспомнила – как ехала по улице за синим «Мерседесом», как в этот автомобиль под села та самая девица, которая приходила в мою квартиру, как водитель ее высадил, как я шла за ней по улице, как вошла в подворотню...

Вот черт, это она заманила меня в эту подворотню! Я попала в самую элементарную ловушку, и меня затащили в тот самый синий «мерс»! А я еще порадовалась, какая я умная! Нет, это просто кошмар какой-то, где была моя голова?

– Проснулась? – проговорила девица, перехватив мой взгляд. – Слишком рано! Поспи еще!

Она брызнула мне в лицо чем-то холодным и пахучим – и я опять отключилась...

На этот раз я пришла в себя в какой-то незнакомой комнате. Комната эта была почти пустая. Прямо передо мной на стене висел красный вымпел с надписью «За победу в соревновании за звание лучшей жилконторы района». Под этим вымпелом стоял старый, обшарпанный письменный стол, на нем – открытый ноутбук. Стены были выкрашены грязно-серой унылой краской, потолок кое-где в застарелых подтеках.

Сама я сидела в обычном, не слишком новом офисном кресле, обитом серым же кожзаменителем. А может он был не серый, а просто грязный, мне все равно. Было очень неудобно, все тело затекло.

Я попробовала встать – и не смогла. И поняла по своим ощущениям, что привязана к креслу, точнее – намертво примотана к нему скотчем за руки и за ноги. Ноги были привязаны к ножкам кресла, руки – к подлокотникам.

Вот так. Это никакой не сон, а явь. Меня похитили и связали.

Тут у меня за спиной раздались шаги.

Я попыталась обернуться, чтобы увидеть, кто это там идет – но кресло меня не отпускало.

Впрочем, я и так очень скоро это узнала.

Это был тот самый красавчик со шрамом на подбородке, водитель синего «Мерседеса». Теперь вблизи он вовсе не казался таким интересным – щетина явно переросла, и вид имела неопрятный, глазки маленькие, и шрам вовсе его не украшал. Нет, все-таки у нашей Катерины ужасный вкус!

– Она проснулась! – произнес он, к кому-то обращаясь. – Разбирайся с ней сама, мне пора ехать. Босс скоро выйдет и опять устроит мне выволочку.

Он ушел, и вместо него появилась его напарница, та хитрая девица, которая заманила меня в подворотню. Теперь она вовсе не казалась такой безобидной, как тогда, в халате и полотенце. И дело даже не в одежде. Сейчас глаза ее излу-

чали самую настоящую ненависть. Она пристально посмотрела на меня и процедила:

– Вот так всегда! Он уходит, оставляя мне всю грязную работу! Впрочем, все мужики такие, правда, подруга?

Этот задушевный тон ничуть меня не обманул. И правильно. Она шагнула ближе, наклонилась и проговорила совсем другим тоном, резким и безжалостным:

– На кого ты работаешь?

– На «Сингуляр», – честно ответила я. Я действительно последний год работаю в фирме с таким прикольным названием.

– Что? – удивленно переспросила девица. – Какой еще сингуляр? Что это за контора?

– Обычная коммерческая фирма, – опять же честно ответила я. – И я там работаю менеджером. Товары учитываю, иногда на склад мотаюсь, если секретарша Милка в отпуске, за нее тоже могу...

– Так ты прикальываешься? – вскинулась девица. – Ну, ты это скоро прекратишь! Ты мне все расскажешь – на кого работаешь и почему меня выслеживала...

– Вот интересно! – огрызнулась я. – Это, по-моему, ты пришла ко мне домой, отключила какой-то химией и хозяйничала в моей квартире.

Поначалу я решила держаться твердо, но очень мне не понравились ее глаза, они просто полыхали злобой, так что я решила притвориться шлангом, как говорит Милка.

– Я тебя, между прочим, не звала, не приглашала, – тянула я, – вантуз свой отдала, а ты его на помойку выбросила. А он именно, и дорог мне как память, мне, может, его любимый человек подарил...

Про Димку Петрова я зря упомянула, потому что девушка сразу поняла, что я валяю дурака.

– Не хочешь говорить? Очень зря! Тебе же будет хуже! – произнесла она сквозь зубы, достала мобильный телефон, нажала кнопку и заговорила:

– Это я! У меня тут гости. Та, из квартиры, где мы работали. Да, как-то выследила меня... нет, не знаю. Пока она ничего не говорит. Нет, я ее привезла в жилконтору. Нет, нас никто не видел. Я уверена. Что?! – Последнюю реплику она не произнесла, а выкрикнула, как будто ее оскорбили в лучших чувствах. – Что?! Устранить? Ну уж нет, я на мокрое дело не подписывалась! Это не моя специальность! Сыграть роль, установить камеру – это пожалуйста, но мокруха – нет! Каждый должен делать свое дело! Я сказала – нет!

Я слушала этот разговор, и понемногу до меня начал доходить весь ужас моего положения.

В самом деле, до этого, очевидно под действием того препарата, который эта стерва приснула мне в лицо, голова соображала не то чтобы медленно, но как-то вяло. Ну никак не верилось мне, что все это происходит со мной, ну какое-то все ненастоящее, как в кино. Что я тут вообще делаю? Это гнусноватое помещение, ломаное кресло, мои руки, примом-

таннные скотчем, – просто какой-то криминальный сериал! Причем дешевый.

Судя по всему, этой девице только что приказали убить меня. И если она отказалась, то вовсе не потому, что она такая хорошая и добрая, а из каких-то собственных соображений.

Разговор на этом не прекратился. Девица выслушала своего собеседника, и его предложение, судя по всему, ее устроило.

– Ладно, – сказала она, прежде чем прервать разговор. – Присылайте Вовчика... ему такое не впервой! Он точно справится.

Закончив разговор, она убрала телефон и снова повернулась ко мне.

– Ну что, подруга, – проговорила она сквозь зубы, – а теперь начнется серьезный разговор. Выкладывай, как ты нашла меня... как ты нашла нас. И советую поторопиться.

– Мне торопиться некуда, – ответила я.

Я ответила так вовсе не потому, что я такая бесстрашная. Просто пыталась хоть как-то выиграть время, чтобы придумать выход из своего ужасного положения. Да, эта девка настроена очень серьезно, теперь я вижу.

– А вот тут ты ошибаешься, – проговорила она с кривой усмешкой. – Торопиться тебе очень даже есть куда. Скоро сюда придет Вовчик, а это такой человек... я его и сама-то дико боюсь! Только ты ему это не говори, а то он загордит-

ся! – И девица хихикнула.

Потом она отступила на шаг, наклонила голову к плечу и уставилась на меня, словно рассматривая картину или статую.

– Даже жалко, – промолвила она наконец с фальшивым сочувствием. – Ты очень даже ничего. Пока. После встречи с Вовчиком от тебя мало что останется.

От такого многообещающего заявления и особенно от ее тона мне и правда стало страшно, но я постаралась это не показать.

– Ладно, – продолжила она скучающим тоном. – Я тебе советую выложить все до прихода Вовчика. Тогда тебе, по крайней мере, не придется мучиться.

– Да мне нечего говорить, – ответила я, как и прежде, честно. – Ну не работаю я ни на кого. Живу я в той квартире, она моя, поняла? А ты приперлась, в морду какой-то гадостью прыснула, я почти час на холодном полу валялась, а за что? Что я тебе плохого сделала? А следить за тобой стала по глупости, машину этого твоего... человека со шрамом случайно увидела. Между нами говоря, он лох законченный. Если не хочешь, чтобы тебя заметили, нечего машину под камерой ставить!

– Все сказала? – процедила девица. – Больше нечего добавить?

Я только помотала головой.

– Ну, подруга, ты меня просто огорчаешь! А может, вот

эта штука поможет тебе освежить память? – И она достала из своей сумки электрошокер. – Знакома с такой штучкой? Здорово помогает от временной амнезии!

Она подошла ко мне, наклонилась и ткнула шокером в руку.

У меня было такое ощущение, что мне в руку ударила молния. Правда, молния в меня никогда не била, но чувство должно быть похожее. Боль была адская, и руку свело жуткой судорогой.

Я вскрикнула, а эта дрянь прямо расцвела от удовольствия.

– Ну что – понравилось? Учти, это только начало! Рука – это самая выносливая часть человеческого тела! Если ты сейчас не расскажешь мне все – мы продолжим, и на этот раз перейдем к более чувствительным органам! Шоу только начинается!

Нет, она точно настоящая садистка! Определенно, она получает удовольствие от чужих страданий!

Я отдышалась и с трудом проговорила:

– Не знаю, что ты от меня хочешь услышать! Я и правда ничего от тебя не скрываю! Все как есть рассказала честно.

– Ну ладно, если у тебя плохо с памятью, тогда продолжим! Сейчас мы освежим твою память!

Вот когда говоришь правду, тебе никогда не верят!

Она снова наклонилась, но на этот раз ткнула электрошокером мне в шею.

Меня пронзила чудовищная боль. Нормальный человек такую боль не вынесет – и я ее не вынесла. У меня внутри словно что-то взорвалось. Перед глазами вспыхнуло ослепительное пламя, и на фоне этого пламени, как негатив на фотографии во время проявки, проступила отчетливая картина – красная металлическая дверь, а на ее фоне – зеленый круг с рисунком посередине. Рисунок был какой-то странный, то ли скорпион, то ли огромный паук с маленькими красными глазами...

Этот паук – или скорпион, в общем, это существо – оно смотрело своими красными глазами прямо мне в душу и, казалось, беззвучно говорило со мной.

– Кто ты? – шептало оно. – Ты знаешь, кто ты? Нет, ты не знаешь... тебе только кажется, что ты знаешь... вспомни, вспомни все... вспомни, пока не поздно!

И я начала вспоминать... перед моими глазами, словно кадры фильма, поплыли картины жизни... моей жизни... значит, эта садистка права – боль и правда вернула мне память...

А потом все погасло, и я провалилась в темноту. В благодатную темноту, где не было боли и страдания.

Впрочем, очнулась я очень скоро, оттого что мне на лицо и за шиворот лилась холодная вода.

Я вздрогнула, застонала и попыталась отстраниться.

– Вот зараза! – раздался рядом раздраженный голос.

Я открыла глаза.

В общем, почти ничего не переменялось – я сидела в кресле, передо мной стояла та же самая девица. Только лицо и воротник у меня были мокрые, а на полу валялась пластиковая бутылка из-под воды, вокруг которой растеклась лужа.

Я поняла, что произошло, – когда я потеряла сознание, моя мучительница стала лить воду, чтобы привести меня в чувство, а когда я вздрогнула от холода, она выронила бутылку, и вода разлилась по полу.

Мысли в голове были какие-то не мои, как будто кто-то чужой объясняет мне все хорошо поставленным голосом. И знает, что до меня плохо доходит, если нужно – и повторить не поленится.

Девица подняла бутылку, поставила ее на стол и раздраженно проговорила:

– Ты слишком быстро отключаешься! Не даешь мне как следует развлечься! Ну ничего, сейчас мы сделаем все аккуратнее...

Она прямо в раж вошла, забыла о времени и о том, что не подряжалась на мокрое дело. Теперь ее хлебом не корми – дай меня помучить. Нет, я долго не выдержу!

От страха и холодной воды меня пробрала дрожь, и тут стало заметно, что скотч, которым правая рука была примотана к подлокотнику кресла, немного отклеился. Лишь бы эта садистка не заметила!

Она снова подошла близко, держа включенный шокер, наклонилась, примериваясь, куда бы меня на этот раз уда-

ритель...

Я не знала, что делать.

Я просто не перенесу еще одну вспышку такой боли...

Пытаясь отсрочить удар тока, я откинула голову назад, а потом... потом я резко наклонила ее вперед, с размаху ударив головой садистку по руке.

Удар получился неожиданно сильным, и она выронила шокер.

«Ну да, – подумала я отстраненно, – прошлый раз я в полубессознательном состоянии так же выбила у нее бутылку...»

И тут случилось неожиданное.

Электрошокер, который я выбила из руки своей мучительницы, упал в воду, вытекшую из бутылки. От удара он сработал, выдав в одном импульсе всю свою мощность. Разряд прошел по воде, а поскольку садистка стояла одной ногой в луже, он ударил ее в ногу. Она вскрикнула и упала на спину... но позади нее был стол, и, падая, она ударилась о его край затылком.

Наступила тишина.

Я приподнялась в кресле, насколько мне позволял скотч, и увидела, что садистка лежит на полу, не подавая признаков жизни.

Я не знала, умерла она или только потеряла сознание, и не хотела знать. Хотела я одного – воспользоваться счастливой случайностью и сбежать, пока она не очухалась и пока не

явился Вовчик, которым она меня пугала...

Я наклонилась к подлокотнику кресла и зубами оторвала скотч до конца.

Дальше дело пошло куда легче – свободной рукой я отлепила скотч на левой руке, а потом и на ногах, и встала с кресла. И тут же едва не упала назад, поскольку ноги затекли и совершенно меня не слушались. И руки какие-то чужие, будто не мои, запястья ободраны скотчем.

Внезапно вся комната поехала перед глазами, я едва успела ухватиться за кресло. Ну ничего, это пройдет.

И правда, скоро все прошло, голова теперь кружилась слегка, и перед глазами ничего не мелькало. Я поняла, что надо немедленно уходить. Потому что встречаться с неизвестным Вовчиком, мастером мокрых дел, мне совершенно не хотелось. А если не Вовчик, то кто-то другой может сюда прийти, и как я тогда объясню вот эту девку, что валяется в луже без сознания?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.